

ГАЛИНА РОМАНОВА

ИЗМЕННИЦА ПОНЕВОЛЕ

Галина Владимировна Романова

Изменница поневоле

Серия «Детективная мелодрама»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22556601

Изменница поневоле : [роман] / Галина Романова: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-93848-3

Аннотация

Что делать, когда главным подозреваемым в страшном преступлении оказывается мужчина, которого ты любишь? У него все те же нежные глаза и самые сильные на свете руки, но как позволить им обнять себя, когда знаешь, что эти руки сжимали нож или пистолет? Маше недаром кажется, что она в ловушке: ей остается или оговорить себя, или дать показания на любимого, вину которого даже честный следователь вряд ли сумеет доказать. Разве что большая фальшь, поселившаяся в ее жизни, разобьется о могучую, как скала, любовь и отступит перед напором правды...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	51
Глава 5	61
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Галина Романова

Изменница поневоле

© Романова Г. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Когда с кем-то из знакомых случается беда, в первые минуты замираешь, наблюдая за чужой болью, которая до отращения заразительна. Дыхание сбивается, сердце сочувственно щемит. Мысли беспомощно роятся, пытаюсь найти подсказку. Как-то ведь надо помочь. Что-то надо делать – не стоять столбом, не сидеть сиднем, не глазеть беспомощно. Потом понимаешь, что помочь не сможешь. Исправить ничего нельзя. Вместе с осознанием, что твоя помощь и твой порыв не имеют смысла, накатывает растерянность. И еще нелепое, не объяснимое ничем ощущение вины, с которым можно прожить час, неделю, месяц. Потом отпускает. Все забывается. Просто продолжаешь жить дальше. Так же, как жил до того дня, когда с кем-то рядом случилась беда.

С кем-то.

Теперь беда случилась с ней. И даже посочувствовать некому. И помочь бы никто не взялся. Да она бы и не рассказала. Как о таком расскажешь?

Маша Степанова стояла в собственной кухне в весьма странной позе: согнувшись, будто ее ударили в живот, разведя в стороны руки и широко открыв рот в беззвучном крике. Она, наверное, жутко нелепо выглядит, подумалось вдруг. Нелепо, некрасиво, жалко.

Еще час назад она, Мария Ильинична Степанова, трид-

цати лет от роду, успешная, эффектная, без проблем шагающая по карьерной лестнице, чувствовала себя способной найти выход из любой безнадежной ситуации. Конечно, такая ситуация могла возникнуть только в бизнесе, а где еще? И вдруг она, Маша, превратилась во что-то слабое, раздавленное. Она даже названия этому существу, которым стала, не могла найти, как ни старалась.

– Господи, – просипела Маша и глубоко задышала. И приказала себе шепотом: – Возьми немедленно себя в руки, ну! Подойди же к ней!

Сказала – сделала. На цыпочках, будто боясь разбудить девушку, которая лежала на полу в луже крови, Маша подошла. Минуту постояла, рассматривая узкую загорелую спину с задравшейся лиловой кофточкой. Потом осторожно прошлась глазами по спине до лопаток. До левой лопатки, где кофточка сильно пропиталась кровью.

Удар пришелся в сердце, странно спокойно подумалось ей. Не исключено, что эта девушка даже не страдала. Просто кто-то подошел сзади и воткнул нож. Точно нож? Или что-то другое?

Маша присела на корточки и потащила задравшуюся кофточку вверх.

Зачем она это делала? Господи, зачем? Рану посмотреть? И дальше что? Ладно, посмотрела, обнаружила, что не ошиблась. Девушку действительно ударили чем-то острым и, кажется, треугольным под левую лопатку. Метили в сердце.

Получилось, незнакомка умерла. Между обеденным столом и балконной дверью Машиной кухни. Как она теперь за этим столом станет есть? Как выйдет на балкон покурить, зная, что наступает на след чьей-то смерти?

Кстати, чьей?

Сумочки не было. И вообще ничего при ней не было. Ни колец, ни сережек в ушках, маленьких, аккуратненьких.

Она осторожно ухватила девушку за худенькие плечи и перевернула. Еще минуту рассматривала незнакомое мертвое лицо, застывшее в гримасе боли и удивления.

Нет, она ее точно не знала. Не встречала никогда. Они не пересекались, не были конкурентками в бизнесе и соперницами в любви.

Она ее не знала!

Тогда какого черта эта девица решила умереть именно в ее квартире, на ее кухне? Что ей теперь с ней делать?

Конечно, следовало бы вызвать полицию, и пускай они разбираются, но...

К Маше возникнет сразу масса вопросов.

Как эта девушка оказалась на ее кухне? Кто она? Ах, вы не знакомы... Очень подозрительно. А где сама Маша провела последние два часа? Неожиданно задремала в машине на набережной? Кто-нибудь может это подтвердить? Нет? Странно.

Но Маша ведь понимает, что отсутствие у нее алиби автоматически заносит ее в разряд подозреваемых? Чушь? Нет,

это не чушь совсем, это рабочая версия. Ладно, идем дальше.

Дверь была закрыта, когда она пришла? Закрыта. Замок исправно работал? Разумеется. Из квартиры что-нибудь пропало?

Черт побери!

Маша отшатнулась, резко поднялась на ноги. Посмотрела на свои туфли. Она неосторожно ступила в кровь, когда переворачивала девушку на спину. Значит, что? Правильно, она наследит в комнатах, если пойдет туда в туфлях. Она тут же разулась и босиком помчалась в гостиную, спальню, кабинет. Руки распахивали дверцы шкафов, выдвигали ящики. Шубы, куртки, нарядные платья – все было на месте. Шкатулка с украшениями, там были, кстати, и достаточно дорогие, тоже оказалась в сохранности. Навороченный ноутбук стоял на рабочем столе в кабинете, там, где она его утром оставила – распахнутым, работающим в спящем режиме.

Все вроде на месте. Она задрала голову вверх, к кондиционеру. И ей показалось...

– Нет, ну нет же! – проговорила она заикающимся шепотом. – Этого просто не может быть!

Маша ухватила за спинку стула, как за обломок весла в страшный шторм, и стояла, не двигаясь, несколько минут. Просто боялась упасть. Ей показалось, что кондиционер чуть сдвинут. Легкая пластиковая конструкция вроде на месте, но не под тем углом. Ей ли не знать. У нее стопроцентное зрение. Она даже в темноте видит как кошка. А сейчас Маша

включила свет. И отлично могла разглядеть, что пластиковый муляж, за которым был спрятан сейф, сдвинут. Значит, что? Правильно! Ее обокрали. Обчистили. Обнесли.

– Твою же мать, – простонала Маша и потащила стул к стене.

Встала на него, покачиваясь, как пьяная. Дотянулась до кондиционера, подтолкнула корпус вверх и сняла с креплений.

Да! Предчувствия ее не обманули: сейф был плотно прикрыт, но не заперт.

И абсолютно пуст.

Смысла таращиться в пустое металлическое нутро не было, и Маша слезла со стула. Отошла в угол, осмотрела кабинет еще раз и вдруг без сил сползла по стене на пол. Ответа глаза было выше ее сил – взгляд все время поднимался к зияющей дыре.

Но как же так?! Она была уверена, что все придумано идеально. Превосходное место для тайника, почти под самым потолком. И закрыла она его не банально картиной какой-нибудь, не зеркалом или кашпо, а кондиционером. Попробуй догадайся, что под ним сейф! Да, он не подключен и что? Каждый вор, попадая в чужую квартиру, станет кондиционер включать, чтобы остудить воспаленные мозги? Да у нее даже пульта не было от него.

Кто же такой умный, что сумел догадаться? Не было на ее памяти таких умников. Не было! Этот тайник соорудил для

нее покойный дружок Женька. Он восхищался еще ее находчивостью. И уж он точно не мог никому ничего рассказать. Дело было три года назад, за месяц до страшной аварии, в которой он погиб. Если бы Женька проболтался кому-то, к ней уже давно пожаловали бы гости. А все было тихо. Три года тихо!

И вдруг ее обокрали.

«Надо звонить в полицию», – вяло подумала Маша. Ее обокрали, в ее кухне убили девушку. Наверняка сообщница вора. Не поделили добычу и...

В голове снова зазвучали вопросы, которые ей обязательно зададут полицейские.

Какая сумма пропала? Сколько денег у вас хранилось в сейфе? Сколько-сколько? Двести тысяч долларов? Но это же грубо четырнадцать миллионов рублей. Откуда у вас такие деньги, уважаемая? Какую зарплату вы получаете, если у вас хранится такая сумма наличными? Вы же сказали, что выплачиваете кредит за квартиру. Тогда откуда? Мздоимствуете, милочка? Деньги не ваши? А чьи? Вашего кого-кого? Ах, любовника... А кто у нас любовник? Ктооо? Минуточку. А у него откуда такие деньги? Незаконные финансовые операции? Значит, мздоимствует он, не вы? Почему не берет взятки? Откуда такая уверенность в его честности, дорогая Мария Ильинична? Почему он хранил деньги у вас? Ах, от жены и детей прятал, чтобы при разводе им не досталось? Ай как гадко, Мария Ильинична, как гадко... Но все равно

нам надо будет его допросить.

– Нет, – жалобно пискнула Маша и спрятала лицо в ладонях. – Нет! Этого делать нельзя! Это публичный скандал!

И позвонить ему было нельзя, это против правил. Сейчас он с семьей, и это время для нее под запретом. И потом, он может сказать, что это ее проблемы. Ее залет.

Вдруг страсть как захотелось поплакать. Она так давно не плакала. Последний раз на Женькиных похоронах. А до этого на похоронах своих родителей. Это были потери, согнувшие ее, она тогда много и горько плакала. После этого – ни-ни. После такого ни одно событие не было достойно ее слез.

И вдруг это.

На полу ее кухни труп незнакомой девушки. Из сейфа пропали деньги. Чужие деньги! О которых нельзя никому рассказывать!

Что делать? Что, что, что делать?

«Маруся, ты в полной заднице, – прозвучал в голове голос покойного друга. – Но ты ведь все равно что-нибудь придумаешь, так? Как всегда придумывала».

Деньги придется вернуть, тут же придумала Маша, вдохновленная поддержкой с того света. От трупа надо как-то избавляться. Эта особа ведь не случайно погибла. Она проникла в ее квартиру, чтобы обокрасть. Так что пусть совесть катится куда подальше.

Как она станет собирать такую сумму – вопрос на завтра. А вот что касается мертвой девушки...

Кажется, она знает, что надо делать, чтобы избавить себя от лишних вопросов, подозрений и нелепых версий с ее участием.

Маша поднялась с пола, сдавила ладонями виски, а дальше стала расчесывать густые волнистые волосы пятерней, как гребнем.

Так. Так. Так...

Мертвое тело следовало убрать из квартиры. Обернуть во что-то и вытащить. Все тщательно вымыть, благо пол на кухне кафельный, никаких следов крови не останется. Только как ее тащить по лестнице с третьего этажа?

А никак. Сил не хватит. Девушка хоть и хрупкая, но тяжелая. Значит, она ее доставит на улицу каким-то другим способом, а там уже втащит в багажник машины и вывезет куда-нибудь. Да хоть в лесополосу в километре от ее дома. С этим ясно. Только как сделать, чтобы труп очутился на улице? Как?

Маша пошла в ванную, остановилась на пороге, включила свет и уставилась на узкое окно с красивым мозаичным стеклом.

Окна в ванной комнате в проекте сталинского кирпичного дома не было. Было небольшое, пятьдесят на пятьдесят, застекленное отверстие в тридцати сантиметрах от потолка. Маша решила этим воспользоваться. Когда делала ремонт, заставила строителей расширить щель до полноценного окна, сделала мраморный широкий подоконник, нашла краси-

вую раму и затейливое мозаичное стекло. В итоге ее окно с той стороны дома оказалось единственным. Никто так и не осмелился повторить ее опыт.

Сейчас это оказалось как нельзя кстати. Она выбросит труп из окна ванной, и никто этого не увидит. Если и услышат, значения не придадут. Время позднее, с той стороны дома в зарослях бузины постоянно кто-то шерудит – то сво-ра бродячих собак, то заблудившиеся алкаши.

«Что ж, пора действовать», – кивнула она, соглашаясь сама с собой.

Полиэтиленовой пленки, оставшейся после ремонта, которую она предусмотрительно вымыла, высушила и сложила на антресолях, хватило с избытком. Скотч в три слоя. Потом тщательная уборка кухни. Швы между плитками продезинфицировать на годы вперед. Ни единого намека на то, что пол кухни час назад был выпачкан кровью. Туфли, руки, ногти – она выскоблила все. Втащить тело в ванную, а потом на подоконник удалось без особого труда. В узкое окно худенькое тело проскользнуло, не зацепившись. Мгновение тихо, а потом шорох потревоженного куста и глухой удар о землю.

– Господи, прости! – всхлипнула Маша, запирая окно ванной трясущимися руками. Ей все время казалось, что это не с ней происходит, она, наверное, просто сходит с ума, раз ей это все видится. Она все время шептала и шептала: – Прости меня, прости! Я не виновата, так сложилось...

Удалось сделать все, что она придумала. Она подогнала

машину, отыскала труп в кустах, втащила его в багажник, проехала километр по неосвещенной дороге до лесополосы. Там все в обратном порядке: вытащила тело, разрешила упаковку острыми ножницами для рыбы. Уложила под деревом, где было много травы и не оставалось следов от кроссовок. Упаковку потом скомкала и сожгла в большой бочке под мостом в другом микрорайоне, где обычно тусовались хипстеры. На нее даже внимания никто не обратил.

Подошла какая-то тетка во всем черном, швырнула пакет в огонь, подождала, пока разгорится, постояла чуток и ушла. Машины? Нет, не было. Точно не было.

Они же не знали, что машина на мойке уже чистится изнутри и снаружи, пылесосится тщательно. И автомойщики на нее внимания не обратили. Потому что у них в эту ночь как прорвало – тачка за тачкой. И всем полную чистку подавай.

Они же не догадывались, что она намеренно искала ту автомойку, где очередь.

Утро Маша встретила без сна. Она так и не сомкнула глаз, улегшись поверх покрывала на кровать в половине четвертого.

Еще долго мылась, потом пила коньяк на кухне. Нарочно на кухне, приучая себя заново к этому пространству. Вроде ничего – не трясло, не корбило. Потом, захмелев, побрела в спальню, рухнула в кровать. И никакого сна. Все время перед глазами стояло болезненно сморщенное, удивленное ли-

цо мертвой девушки.

Зачем они ее так? Что она им сделала? Кто она такая? При ней не было ни сумочки, ни документов, ни записки какой-нибудь в кармане джинсов, ни чека, ни автобусного билета. Ничего, что могло бы намекать на какое-то прошлое.

Тело без истории.

– Прости меня. Прости, милая, – без конца шептала Маша и все пыталась расплакаться, надеялась, что от слез станет легче.

Слез не было. Сна не было. Страха, кстати, почти тоже. Она ненавидела себя. Вспоминала собственное хладнокровие минувших часов, и от этого тошнило. Неужели это она все проделала? Как же у нее хватило сил и выдержки? Неужели она может быть такой спокойной и гадкой? Это врожденная жестокость или инстинкт самосохранения? Или это в самом деле сумасшествие?

Господи, как же теперь жить со всем этим?

Горечь и пустота. Пустота и ожидание. Что теперь будет?..

Глава 2

Из дежурки позвонили не вовремя. Второй бумажный лайнер был запущен неверно и пролетел мимо мусорной корзины в углу. Первый долетел и приземлился ровно по центру корзины, а второй не долетел. Всему виной был звонок. Он прозвучал слишком резко, слишком не кстати. Рука дернулась, бумажный самолет потерпел крушение на подлете.

– Так вот у нас всегда случается, Миха, – проворчал Максим. – Непременно возникнет какой-нибудь фактор и...

И покосился на соседа. Михаил Борцов, его двадцативосьмилетний напарник, сосредоточенно работал и на его баловство не обращал никакого внимания. На звонок из дежурной части не отреагировал тоже. Или придуривался, или правда занят был. Максим нехотя снял трубку. Минуту слушал, потом вздохнул:

– Пусть заходит твой журналист.

– Что, интервью будут брать? – оживился сразу Миша и мечтательно улыбнулся. – Карине непременно расскажу! Ей будет приятно, она гордиться мной станет.

– Не-а, не расскажешь, – хмыкнул Максим и недовольно поморщился.

Карину он терпеть не мог. Слишком правильная, слишком требовательная, слишком прямолинейная. Постоянно цеплялась к нему, пыталась учить жизни, грозила испортить

их с Мишкой дружбу. Дура очкастая!

– Почему это не расскажу? – надулся Мишка и подозрительно покосился в его сторону. – Это тебе рассказать некому. И гордиться тобой некому. А у меня есть Кариночка. И ей...

– Не расскажешь, потому что никакого интервью не будет, – перебил Максим. Слушать о Карине он не желал. – Журналист с каким-то заявлением явился.

– С жалобой?

– Узнаем.

И, подперев подбородок кулаком, Максим уставился на дверь кабинета, которую через минуту должен был распахнуть журналист какого-то издания.

Вошел. И сразу Максиму не понравился. Журналист, если он настоящий, не должен был так выглядеть. Настоящий журналист должен гореть на работе. Ему некогда утюжить стрелки на брюках, а этот утюжил. Некогда вязать такие хитроумные узлы на галстуках, а этот вязал. И в руках у него непременно должна была быть какая-нибудь нелепая громоздкая сумка, в которую должно было вмещаться все – от фотоаппарата и камеры до термоса с горячим бульоном и пакета горячих пирожков, которыми тут же пропах бы их кабинет.

Ничего этого не было. Ни пирожков, ни термоса, ни камеры – ничего. Руки парня были пустыми. И не пахло от него едой, которую он вынужден был жевать на ходу. От пар-

ня приятно пахло хорошим парфюмом. Одет тщательно, с иголки. И выглядел он как киногерой, а не как журналист провинциального издания.

«Чертов мажор», – тут же подумал Максим и кивнул парню на стул. Чего такой в журналисты поперся? Сидел бы где-нибудь в кредитном отделе – с такими-то стрелками на брюках и узлом на галстуке.

– Слушаем вас, – сухим неприветливым голосом произнес Назаров и плотно сжал губы.

Мишка тут же осуждающе засопел. Вот Карине его было бы сейчас раздолье. Тотчас бы заверещала: «Человек с бедой пришел, а он его как врага встречает. Где вежливость? Элементарная хотя бы вежливость! Поздороваться забыл!»

– Здравствуйте, – исправил его ошибку журналист и прошел к стулу. И сразу уставился на Максима: – Вы Максим Сергеевич?

Он кивнул, не разжимая губ. Много чести для такого пижона.

– Мне рекомендовали вас как опытного сотрудника и великолепного сыщика. Поэтому я к вам, – нервно дернул шей парень.

«Может, с узлом галстука перестарался», – подумал лениво Назаров, не отреагировав на лесть. Про себя, однако, зло-радно хихикнул. Карина бы теперь позеленела, обидевшись за Мишку.

– Мне сказали, что у вас высокий уровень раскрываемо-

сти и...

– Давайте к делу, – перебил его Максим недовольно и шлепнул ладонью по груде бумаг на столе. – Не станем красть друг у друга время, приседая в реверансах. Итак, кто вы? Представьтесь. – И тут же, скрипнув зубами, отогнал навязчивый образ очкастой Карины и нехотя добавил: – Пожалуйста.

Журналист закивал и затараторил.

– Иван. Иван Светлов. Иван Иванович Светлов. Мне тридцать лет. В вашем городе совсем недавно. Переехали всего полгода назад. Устроились в газету, – Светлов назвал неизвестное Максиму издание. – Проживаем на съемной квартире недалеко от редакции.

– Послушайте, гражданин Светлов. – Назарову сделалось смешно. – Вы что же, себя на «вы» именуете? «Переехали», «устроились», «проживаем». Мы-с!

– Нет, что вы, Максим Сергеевич. – Светлов коротко улыбнулся, аккуратно вытер вспотевший лоб ладонью. – Ценю в людях чувство юмора, знаете... Я имел в виду себя и мою девушку. Настю Глебову.

– Ах, простите.

Назаров приложил ладонь к груди. Мишаня, сидевший напротив, позеленел от злости. Он не завистлив был, нет. Просто образ Карины, наверное, и у него плясал перед глазами. Осуждающий образ, клеймящий. Назарову, идиоту, все в зачет шло. Даже его бесконечные клоунады.

– Ничего-ничего, – улыбка Светлова сделалась почти мученической. – Я, собственно, из-за Насти здесь.

– С жалобой? – решил встрять Мишаня и сострил: – Гонорар не поделили?

– При чем здесь гонорар? – взвился сразу Иван Светлов. Даже зад приподнял со стула. И глянул на Мишаню как на врага.

Ясно. Шутка не прошла.

– Так что с вашей девушкой?

И Назаров выразительно глянул на настенные часы, висевшие над головой Мишки.

– Да-да, Настя, – спохватился Светлов. Симпатичное холеное лицо сильно побледнело. – Понимаете...

– Что?

Назаров напрягся. Что-то в лице парня ему не нравилось. Болезненное напряжение. Отсутствие решимости. Страх. Все это он прочел в карих бегающих глазах и подергивающихся губах.

Интересно, интересно.

– Она пропала! – выдавил Светлов и едва не задохнулся от ужаса.

Его рот еще какое-то время беззвучно открывался и закрывался. Как у налима.

– Понятно, – проговорил Максим, откинувшись на спинку стула, сунул руки в карманы штанов и глянул с прищуром на журналиста Светлова. – А чего к нам? Оставили бы заявле-

ние в дежурной части.

– Я настаивал, чтобы к вам. – Его губы собрались в трубочку, и какое-то время Светлов гневно выдувал воздух.

Дул и молчал.

– Кстати, сколько времени прошло с момента ее исчезновения? – решил поважничать Мишаня. – Вы знаете, что заявления об исчезновении взрослых людей мы принимаем...

– Да знаю я! – отмахнулся от него, как от мухи, Светлов. Даже головы не повернул в его сторону.

– Так сколько времени прошло с момента ее исчезновения? – поддержал коллегу Назаров.

Ему сделалось вдруг скучно. Сбежала девушка, эка невидаль. Да, дорогой товарищ, и от таких лощеных симпатяг сбегают. А ты думал, что из-за стрелок на брючках и затейливого галстучного узла она станет терпеть твои художества?

Кстати, о художествах.

– Как давно ее нет на вашей съемной квартире? – переиначил он вопрос.

– Неделью! Неделя, как она исчезла! – снова задохнулся трагическим шепотом Светлов.

«Сбежала», – мысленно поправил его Назаров.

– Где она может быть, по-вашему?

И сам себе ответил: да где угодно. У любовника, у подруги, у родителей. И в любом из этих мест она могла попросить ничего не говорить о себе Светлову.

Максиму сделалось еще скучнее, чуть не зевнул за столом.

И Светлова ему не было жаль, вот нисколько. Чувствовалась в этом парне какая-то гнильца. Убей, чувствовалась.

– Я не знаю! – неожиданно Светлов всхлипнул.

Прижал к глазам большой и указательный пальцы правой руки. Вышло до противного театрально.

То, что переживает, а Светлов переживал, Максим такие вещи чуял за версту, – это плюс. А то, что выделяется сейчас перед ними, – минус. Пока в зачет журналисту ничего не пошло.

– Вы ее искали? – спросил он у Светлова, продолжающего тыкать пальцами себе в глаза.

– Да.

– Где искали?

– Везде! Обзвонил всех ее знакомых, друзей. Съездил даже! Ее никто не видел и не слышал неделю, – затараторил он, уронив руку на бедро и уставившись на Максима несчастными глазами.

Переживает. Тоже плюс.

– Родители?

– У нее нет родителей. Мы с ней воспитывались у родственников. Наши родители дружили и вместе угорели в бане, давно уже, – нехотя признался Светлов. – Но я и родственникам звонил. Она не появлялась там и не звонила им уже больше месяца.

Искал. Это тоже плюс.

– Понимаете, она и на работу не является! А это для

нее... – Светлов развел руками, замотал головой. – Мы с ней так долго искали эту работу.

– Что, хорошая газета? – усомнился Назаров. Название ему ровным счетом ничего не говорило.

– Да так себе, – недовольно поморщился Светлов. – Но хоть что-то, понимаете, для таких, как мы. С чего-то надо начинать. Зарплата, конечно, не айс, еле сводили концы с концами. На жилье и питание скромно хватало, одежду давно не покупали.

«Сам-то какой нарядный», – неприязненно поморщился Назаров. А вслух произнес:

– Может, она сбежала к кому-то более удачливому, обеспеченному, устав от нищенского существования?

– Да вы что! – дернулся журналист Светлов всем телом, и крылья его аккуратного носа затрепетали. – Настя, она... Она не такая! Она порядочная. Правильная, умная!

– Да вы не расстраивайтесь так, товарищ, – сочувственно встрял Мишаня.

Ясно, узрел знакомые черты Карины в описании девицы. «Слюнтяй», – хмыкнул беззлобно Назаров.

– Мы сделаем все возможное, чтобы найти ее. Нам нужно точное описание, лучше фотография.

– Повремените, коллега, – мягко осадил рассопливившегося Мишаню Назаров. – Скажите, гражданин Светлов, почему она ушла из дома неделю назад?

– В смысле?

Плечи журналиста будто одеревенели. Взгляд на мгновение застыл и вдруг поплыл. Ага, вот оно.

– Неделю назад, если не ошибаюсь, вся страна отмечала Первомай. Отдыхала. Вы же не работали, правда? Вряд ли редакция со скудным бюджетом способна оплачивать своим сотрудникам работу в выходные и праздничные дни. Вы не работали неделю назад?

– Нет.

Одеревеневшие плечи журналиста вдруг со странным хрустом поникли, будто превратились в картонные.

– Вот. Вы были дома, отдыхали. И вдруг она вас оставила. С какой такой стати? Вы что, поругались? Подрались? Вы ее обидели, ударили, а? Отвечайте! – рявкнул Назаров так, что Мишаня на стуле обеспокоенно заерзал. – Вы били ее?

– Нет, я бы никогда не посмел. Ей и так в детстве доставалось от родителей. Разве я мог? – заныл Светлов. – Но вы правы, мы поскандалили, Настя рассердилась и ушла. Я крикнул ей вслед: «Куда?»

– А она что ответила?

– Сказала, что не мое дело. И чтобы я ее не искал. Я и не искал в выходные. А когда она не вышла на работу, не взяла расчет и не написала никакого заявления, тут уж...

Назаров закатил глаза, зевнул.

Все старо, как мир.

И не надо выдумывать, господа, что мир наш катится в пропасть. Он веками туда катится, как свидетельствуют ис-

торики, только все что-то остается на своих местах.

Все в нем, в этом давно и безуспешно летящем в бездну мире, поделено на богатых и бедных. Богатые презирают бедных. Бедные платят им ненавистью. Иногда убивают. И квалифицирует такие преступления Назаров как убийства, совершенные на почве неприязни либо из корыстных побуждений.

Бедные и богатые имеют обыкновение влюбляться и по этой причине тоже время от времени убивают. Такие преступления Назаров квалифицирует как убийства, совершенные из ревности. Можно, конечно, и неразделенную любовь сюда приплести, но это в сухом остатке приведет к той же формулировке: ревность.

Секс и деньги. Деньги и секс.

Все зло в мире вот уже какое столетие крутится вокруг этого.

– Сколько ее не было до вашего выхода на работу? Только точно.

– Три дня, – промямлил Светлов и принялся раскачиваться на стуле взад-вперед. – Я места себе не нахожу. Обзвонил все больницы, все морги, все отделения полиции. Никого похожего!

Что переживает – это, конечно, плюс. Но что поскандалил с ней, а это наверняка слышали соседи и могут подтвердить, – огромный минус.

По статистике девяносто процентов убийц в подобных

случаях – близкие люди. Три дня не шевелился, не искал. Тепло прятал? Следы заметал? Запросто. Потом накатило раскаяние, страх изжевал душу, коллеги вопросы стали задавать. Вот и явился в полицию, решив, что таким образом снимет с себя подозрение.

– О чем вы спорили, гражданин Светлов?

– Бытовые проблемы, – вздохнул тот протяжно. – Началось все с мелочи какой-то. Кажется, я не вымыл чашку.

Врет. Врет и не моргает. Придумывает на ходу. Не ждал таких вопросов.

– А дальше?

– Потом пошло-поехало. Взаимные упреки. Обиды старые вспомнились. Вы же знаете, как это бывает. – Он с надеждой посмотрел сначала на Назарова, потом на Мишу.

Назаров положил на стол руки ладонями вниз, посмотрел на безымянный палец правой руки. Там не было обручального кольца. Нет, он его не забыл в ванной на полочке, не снял умышленно. Такого кольца там никогда не было.

– Нет, не знаю, – ответил он, выждав паузу. – Я не женат. И с девушкой не вел совместное хозяйство. Поэтому не знаю и даже не догадываюсь, как можно серьезно поскандальить из-за невымытой чашки. Настолько серьезно, что девушка ушла от вас и неделю не дает о себе знать.

– Вы мне не верите? – ужаснулся Светлов.

Назаров промолчал, но глянул на журналиста так, что тот отпрянул.

– Вы считаете меня виновным в ее исчезновении? – ахнул он с благоговейным ужасом. – Как же вам... Как же вам не стыдно! Не придешь в полицию – плохо! Придешь – еще хуже! Лучше бы я частного детектива нанял, как советовали!

– Что же не наняли? – спросил Назаров, когда Светлов заткнулся, выдохнувшись.

– Денег нет. Там такие расценки. – Он жалко улыбнулся. – А у нас с Настей даже накоплений никаких не было. Скажите, вы можете мне найти ее? Я не могу... Одна мысль, что она попала в беду из-за меня, с ума меня сводит. Я ни есть не могу, ни спать.

– Фото принесли?

Назаров требовательно вытянул вперед руку, шевельнул пальцами. Светлов вытащил из нагрудного кармана рубашки фотографию, вложил ему в ладонь. Назаров уставился на девичье лицо.

Милая, кроткая. Аккуратная стрижка, симпатичное личико, подкупающая улыбка. Кому она могла перейти дорогу? Чему стала нечаянным свидетелем? С ней случилась беда или она прячется?

– По телефону вы с ней связывались?

– Первые три дня нет, не звонил. Гордость. А потом она не отвечала, – пожаловался Светлов. – Я позвонил ей сразу, когда обнаружилось, что она не вышла на работу, а абонент недоступен.

– Она кому-то звонила в те три дня, пока вы гордились

собой? – ухмыльнулся Назаров, не выпуская фото девушки из рук. – С кем-то связывалась?

– Да. Как оказалось, она разговаривала с нашим главным редактором. И еще с его помощником. О чем – не знаю, они не стали вдаваться в подробности. А мне статус не позволил расспрашивать.

– Слушайте, Светлов, а чем вообще вы с ней занимались в этой вашей газетенке? Какие темы вели вы и ваша девушка? – опередил Назарова Мишаня.

Светлов вдруг оживился. Даже соизволил в Мишкину сторону повернуться, пижон надутый. И взгляд его смягчился.

– Я веду светскую хронику. И мне моя тема нравится! – возмутился он в ответ на насмешливое фырканье Назарова. – Главный меня хвалит. Говорит, что рейтинг пошел вверх после моих публикаций. А месяц назад я осмелился опубликовать начало своего романа, так редакцию завалили письмами. Требуют продолжения!

«Смотри какой талантище, – скривился Назаров. – И романы писать горазд, и стрелки утюжить. А девушку вот удержать не смог, писака».

– А Настя чем занималась? Какую рубрику она вела?

Обычный же вопрос, а Светлов вдруг снова одеревенел. На его гладко выбритые щеки напозла бледность.

Так, начинается самое интересное.

– Чем она занималась в газете? – поторопил Назаров, устав ждать, когда тот оттаит.

– Скандалы, интриги, расследования, – нехотя промямлил гость, опуская голову. – Она рылась в грязном белье, раздувала сплетни, иногда проверяла кое-какие сведения. Знаете, бывает, пресса запускает непроверенные данные. Народ гневался, угрожал.

– Вот! – поднял палец Мишаня. – С этого и надо было начинать, Иван Иванович. Вполне возможно, что...

– А что главный? – перебил друга Назаров и сделал сердитые глаза.

– А что главный? – Светлов снова погрузнел. – Он только руки потирал: продажи увеличились, ему прибыль. А что Настю однажды подкараулили у редакции и пинок под зад дали, его совершенно не волновало. Считал это издержками нашей профессии. А я Насте говорил! Просил переключиться на другую рубрику. Детская колонка пустует, кулинария опять же. Нет, ей подавай настоящие расследования. Тоже мне сыщица!

А ведь он ей завидует, сообразил Назаров. Завидует ее успеху. Тому, что она по грани ходит. Ходила.

– Вы помните, о ком она написала, заработав... – Он помялся, подбирая слова, потом сказал как есть: – Заработав пинок под зад?

– Точно не могу сказать, – журналист наморщил лоб, – дело давнее. Этот человек потом прощения попросил, даже цветы ей в редакцию принес.

– Ага, понятно. А в последнее время?

– Что? – Светлов снова как-то не так отреагировал на его вопрос. – Что в последнее время?

– Над чем она работала? Что готовила, какой материал?

– Я не знаю, – неумело соврал Светлов. – У Насти был творческий кризис. Она уже месяц ничего не сдавала в печать.

– А главный что?

– А что главный?

– Он ее за это ругал? Лишал премии?

Тут же Назаров подумал, что нет, не ругал Настю ее начальник, раз она в дни бродяжничества звонила не кому-нибудь, а именно главному редактору. Что-то она расследовала, разнюхивала, может, даже следила за кем-то. Потому и в печать ничего не шло. Какое-то серьезное дельце затевалось. А этот наутюженный журналист с узлом на галстукe вполне мог этого не знать. Оттого и злился, оттого и скандалил со своей девушкой. Вполне возможно, что жутко ревновал ее к успеху. А заодно и к главному редактору.

– Понятно, – шлепнул ладонями по столу Назаров и отодвинул фотографию в сторону, не дав журналисту возможности до нее дотянуться. – Заявление оставляйте. Объявим вашу Анастасию в розыск.

– Ой, спасибо вам! Спасибо! – Светлов поднялся и поправил брюки, оттянув их за стрелки от коленок. – Только на вас надежда.

– Непременно объявим вашу Настю в розыск, но после то-

го, как поговорим с вашим руководством, – и Назаров ядовито улыбнулся.

– С руководством? – Парень снова побледнел до синевы. – А зачем с руководством? Разве непонятно, что с Настей беда?

– Ваша Настя может быть просто в служебной командировке, Иван, – вставил Мишаня.

Ай да молодец.

– В командировке? В какой командировке? – Гость попятился к двери.

– В той, о которой вы могли ничего не знать, гражданин Светлов.

Глава 3

– Красавица! – восторженно прошептал Маше ее сосед Сергей Леонидович. – Ах, кабы мне, Машенька, да полвека сбросить с себя... Я бы к тебе тогда по-соседски свататься пришел. Красавица!

– Скажете тоже, Сергей Леонидович. Обычная я. Самая обычная.

Маша стащила с морщинистой руки соседа манжету на липучке и принялась паковать прибор для измерения давления в коробку.

– Давление у вас как у космонавта, Сергей Леонидович. И артериальное в норме, и сердечное. Итак, до вечера?

– До вечера, Машенька. – Дед удрученно кивнул. – Ты сегодня поздно будешь?

– А что?

Она напряглась, сама не зная почему.

Это был обычный вопрос ее соседа. Он всегда так спрашивал при утреннем осмотре, который Маша взялась проводить после того, как соседа год назад увезла «Скорая». Тогда его еле вытащили, и она клятвенно пообещала медикам и самой себе, что не позволит добрейшего и милейшего человека Зотова Сергея Леонидовича упрятать в дом престарелых. С больничной койки он хватал ее за руки, плакал и просил не отправлять его туда.

– Ты только присматривай за мной, девочка. Просто присматривай, – всхлипывал он тогда, год назад. – А я еще огого какой крепкий. Хочешь, уборку буду делать тебе и за продуктами ходить? Хочешь?

– Не мелите вздор, Сергей Леонидович, – грубовато оборвала она старика. – И это... Я вас никуда не отдам.

Прошел год. Дед исправно пил лекарства, занимался лечебной физкультурой в клинике по соседству и довольно быстро поправился, даже о трости своей стал забывать. Идет иногда, а трость в воздухе держит, земли ею не касается. Но Маша все равно следила за ним. Каждое утро мерила давление, температуру. В течение дня звонила, не забыла ни разу. Если нужно было, повторяла вечером осмотр.

И он каждое утро спрашивал ее: не задержится ли, в котором часу будет. Каждое, и сегодняшнее не стало исключением. Исключением были вчерашний вечер и ночь. Эти пять с половиной часов все перевернули в ее жизни. Они сделали ее другой – гадкой преступницей, которая способна избавиться от чужого тела. Она стала соучастницей убийства!

– Ничего, Машенька, я просто так. – Дед поднял на нее мутные, побитые катарактой глаза. И вдруг спросил: – У тебя все хорошо, девочка?

– Да, все отлично. Замок вот только...

– Что замок? Не понял.

Сергей Леонидович откинулся на подлокотник кресла, чтобы лучше видеть ее, стоящую в стороне.

– Замок брахлит, надо поменять. Я уже с утра мастеров вызвала. Проследите?

– Конечно! О чем разговор!

Он обрадовался, как ребенок. Он всегда радовался, когда она просила об одолжении. Ему просто необходимо было чувствовать себя хоть в чем-то полезным.

– А замок-то? Замок купила, Машенька? – забеспокоился он и, с кряхтением выбравшись из кресла, пошаркал за ней в прихожую.

– Ой, Сергей Леонидович, я вас умоляю! Сейчас не надо ничего покупать, фирма все обеспечит. Привезут образцы, вы подберете понадежнее. Угу? Я деньги потом им на счет переведу.

– Как скажешь, моя красавица.

Дед остановился перед старым мутным зеркалом в прихожей. Моложаво провел ладонью по густым, совершенно белым волосам. Улыбнулся ей, подмигнул:

– А я еще ничего, да, Машенька? Еще могу на что-то сгодиться, так?

– Конечно, Сергей Леонидович. – Она выдавила жалкое подобие улыбки, на большее не была способна. – До вечера.

– Так, значит, рано будешь-то, Маша? – крикнул он ей в спину, уже на лестничную клетку.

– Даже если и поздно, мне придется вас разбудить, – тоже крикнула она в ответ: у соседа иногда садился слух. – Ключи ведь будут у вас.

На работе она отвлеклась. Навалилось столько дел, что о страшном происшествии, случившемся накануне, она вспомнила, лишь когда позвонил он, мужчина ее мечты.

– Привет, – прошептал он, как всегда, в трубку, и у нее, как всегда, по коже запрыгали мурашки. – Как ты там, моя девочка?

– Привет, – таким же шепотом отозвалась Маша.

И неожиданно в горле запершило. Не от счастья, что его слышит. От горечи, что его подвела. Он на нее так надеялся. Он ей доверился. А она подвела! Она поставила жирное пятно на собственной репутации, а заодно и на репутации любимого.

– Эй, ты здесь? – заволновался он, когда она не ответила.

– Да, я на месте.

– Все в порядке? – В голосе его звучала уже настоящая тревога.

– Да-да, просто я параллельно еще работаю, – соврала Маша.

– Ой, извини. Я не подумал, что ты занята. – Кажется, он немного обиделся. – Но рабочий день давно окончен, малыш. Может, поужинаем вместе? Как тебе мое предложение?

Маша поморщилась. Сразу представила их совместный ужин. Не в ресторане, нет, они редко там бывали. Это случилось, только когда они попадали в другой город. Здесь нельзя. Здесь их могли увидеть общие знакомые. Или его род-

ственники. Или родственники его жены. Или ее подруги. Или его друзья. Или, упаси боже, его жена.

Поэтому совместный ужин всегда случался – где? – правильно, на ее кухне. Само собой, она должна была успеть купить продукты, потому что гастрономический набор в его корзине мог привлечь внимание и вызвать массу вопросов, если он случайно столкнется с родственниками, друзьями или, упаси господи, с женой.

Продукты она сама тащила на третий этаж. Дальше сама же готовила ужин. К его позднему приезду она должна была все успеть. И еще привести себя в порядок, выглядеть отдохнувшей и быть веселой.

– Боюсь, не получится, – вздохнула Маша. – Сумасшедший день сегодня. Рано не освобожусь.

– Ничего, я тоже занят до полуночи. И жене сказал, что ночевать не приеду.

– Понимаешь, дорогой, у меня там проблема с замком, Сергей Леонидович его меняет, – еще раз приврала Маша. – А ты же знаешь стариков, они до утра провозиться могут.

– Понятно. – Голос его стал жестким и холодным. Значит, обиделся. – Что ж, пусть будет так.

– Не сердись, пожалуйста, – взмолилась Маша. Обижать любимого не следовало, он долго помнил обиду. – Я соскучилась, очень! Тоже мечтаю увидеться. Но обстоятельства...

– Я понял, – чуть мягче проговорил он. – У тебя точно все в порядке, малышка?

– Да, все нормально, устала только очень. – Маша выдохнула: кажется, пронесло. – А еще долгое чаепитие с Сергеем Леонидовичем предстоит. Как подумаю – домой не хочется.

Он рассмеялся. О Зотове и ее шефстве над ним любимый был наслышан.

– Ладно, до встречи, моя девочка. Береги себя!

Маша отключила телефон и с облегчением выдохнула. Ткнула пальчиком в дисплей, отыскивала заветную фотографию.

На снимке мужчина ее мечты спал в ее кровати. Распластался прямо посередине, закинув загорелые руки за голову. Красивый, мускулистый. Ни за что не скажешь, что он на двадцать лет ее старше. Если бы они могли выйти в свет вместе, наверняка произвели бы фурор. Пара на загляденье. Так он сам однажды сказал, поймав их отражение в ее зеркале.

Но пары не будет, они оба знали об этом. У ее любимого семья. Он не может бросить жену и детей, не может их предать. Обманывать может, предать – нет. Да и должность в силовых структурах у него не последняя, не тот уровень, чтобы рисковать своим статусом. Поэтому они прятались ото всех. Поэтому он не позволял ей никаких соцсетей. Поэтому запрещал себя фотографировать. Она ослушалась лишь однажды, сфотографировав его спящего.

Маша отодвинула документы – на сегодня хватит. Смело можно оставшиеся дни недели отдыхать. Позвонила секретарше. Нет, ее никто не спрашивал. Ничего срочного нет.

Генеральный уехал на пару дней, никаких распоряжений не оставлял.

Можно смело было двигать домой. А не хотелось.

Она протянула руку, чтобы выключить компьютер, но не выключила. Перешла по ссылке на новостной сайт и принялась внимательно читать все в разделе преступлений.

О девушке, которую она вывезла в лесополосу, ни слова. Не нашли? Не наткнулся никто? Странно, там же гуляющих много, собачники, велосипедисты...

Вдруг родственники с ума сходят, ищут бедную?..

Маша выключила компьютер, откинулась на спинку рабочего кресла и зажмурилась. Как же гадко на душе! Как гадко! Она сделала все неправильно. Все!

Нельзя было брать деньги у любимого и прятать их у себя. Да, он просил. Но надо было иметь смелость отказать. Тогда бы ее не обокрали и не было бы этого тела в ее квартире.

Маша не сомневалась, что убитая – сообщница грабителя. Они просто не поделили добычу. Странно все же, что ее никто не ищет. Обычно по телевизору показывают пропавших людей и просят позвонить по такому-то номеру или в полицию. Маша, конечно, не стала бы никуда звонить. Но хоть знать, кто был в ее квартире и умер на полу ее кухни.

А в новостях ни слова.

Почему? Неужели эта девица из криминальных кругов и ее убили преступники, такие же, как она? Или у нее совсем нет родственников и ее некому искать?

Сердце зашлось от неожиданной жалости. И, выходя с работы, она снова себя ненавидела. Села в машину, поймала в зеркале свое отражение. Бледная, глаза несчастные. Будто похудела за день. Включила местное радио. Снова никаких новостей об убитой девушке.

Пусть романтического ужина с любимым сегодня не будет, но в магазин Маша все же решила завернуть. Она просто не помнила, есть ли у нее еда в холодильнике. Вчера так в него и не заглянула. Пила, не закусывая. Но даже если там что-то и было, она все выбросит. Есть то, что лежало по соседству с мертвой, она не сможет.

Набрала продуктов, еле втащила пакеты на третий этаж.

– Что же ты так надрываешься-то? – попенял ей Зотов, выхватывая пакет у нее из рук. И одновременно протянул ключи от нового замка. – Машенька, разве так можно?

Она отперла хитроумный замок сама. Сосед настоял: надо же привыкать. Вместе вошли в квартиру. Зотов сразу потащил пакет на кухню, она за ним. Вдвоем принялись выкладывать покупки на стол.

– Может, сразу в холодильник? – озабоченно покрутил головой дед, рассматривая упаковки колбасы и сыра.

– Нет, не нужно, Сергей Леонидович. Я сама.

Не станет же она при нем выгружать продукты из холодильника в мусорные мешки. Возникнут вопросы, а они ни к чему.

– Как вы себя чувствуете? – спохватилась Маша, когда Зо-

тов направился к выходу.

– Да все хорошо, – он кротко улыбнулся. – На физкультуру сходил, в бассейн абонемент продлил. Сейчас повторно комиссию прохожу.

– Ой, как замечательно. – Она рассеянно улыбнулась.

Заглянула в счет за замок, который положил на стол Зотов. Поморщилась: цена, разумеется, оказалась выше той, что значилась на сайте.

– Матрена меня сегодня опять завела, – вдруг пожаловался Зотов. И голову опустил.

Матрена, злобная старуха из соседнего подъезда, вечно цеплялась к Зотову. Все изъяны какие-то выискивала, в каждом его слове ей чудился подвох. И что Маша вызвалась его опекать, ей тоже не нравилось. Не единожды она останавливала Машу во дворе и советовала внимательнее присмотреться к Зотову.

– Он нас с тобой переживет, детка. Притворщик!

– Что на этот раз?

Маша, забывшись, открыла холодильник. Полки почти пустые, только пакет кефира и несколько яиц. И правильно, что заехала за продуктами.

– Сегодня эвакуатор в нашем дворе работал, машины какие-то забирал. Так возле одной все какой-то толстяк прыгал, прыгал. Все руками махал. Я слов не слышал, но из окна видел: суетится.

– А Матрена каким боком к машинам, которые увозил

эвакуатор?

Маша уже начала загружать полки холодильника, слушала соседа невнимательно. И вдруг!

– А я ей: какая девушка? Не видал я никакой девушки! Пристала как банный лист, честное слово.

Она резко захлопнула дверцу холодильника и повернулась.

– Какая девушка, не пойму? О какой девушке речь?

– Кто же ее знает-то? – Зотов чуть ли не с обидой надевал старые ботинки с замятыми задниками. Он всегда снимал обувь у нее на пороге. – Вроде толстяк этот одолжил машину какой-то девушке. Матрена брешет, а я не вникал.

– И что машина? Что девушка? – Где-то в области сердца у нее завозился ледяной гвоздь.

– Матрена говорит, что толстяк одолжил машину своей знакомой, а она исчезла куда-то. Он человека нанимал, машину искали по дворам. Думал вообще, что ее угнали. А машина эта у нас во дворе обнаружилась.

– А девушка? – Ледяной гвоздь вонзался в сердце, рвал его на кровавые кусочки очень больно.

– А что девушка? О ней только Матрена болтала. Вроде видела ее у нас во дворе, та по подъездам ходила. Только никто ее, кроме Матрены, не заметил. Изжога баба!

И ушел, аккуратно выпустив язычок замка и хлопнув дверью так, чтобы замок автоматически закрылся. А Маша без сил опустилась на стул рядом с холодильником и застыла.

Никто, кроме Матрены, говорите? Да нет, она, Мария Ильинична Степанова, видела эту особу. Только уехать та никуда уже не могла на арендованном автомобиле.

Что за автомобиль, интересно? Что за человек одолжил ей его? Знает ли он, догадывается ли, что его знакомая попала в беду? И что же получается? Если незваная гостья вошла в их подъезд, ее здесь убили, а автомобилем потом не воспользовались, то...

То она не может быть соучастницей ограбления, вот что! Если бы у нее был напарник, он непременно замел бы следы. А здесь ничего подобного. Стало быть, тот, кто Машу ограбил, ничего о машине не знал. Девушка была не с ним, а сама по себе.

А что, если...

А что, если эта девушка пришла к Маше? Подошла к двери, постучала, ей не открыли, она подергала ручку, и дверь открылась. Вдруг вор не заперся? Девушка вошла, крикнула, есть ли кто дома. Вор перепугался и убил ее, чтобы не быть застигнутым на месте преступления. Поэтому и не забрал ничего, кроме денег.

Какая же она дура! Она совершила преступление, хотя могла бы помогать следствию и продолжать жить с чистой совестью. Дура, дура, дура! Чертова дура!

Все упиралось в деньги любимого. В них причина. Она просто не могла рассказать, что хранилось в ее сейфе. И тем более – в каком количестве. Началось бы дознание, ему бы

непременно задали вопросы. Можно, конечно, было сказать, что пропало что-то другое. Но врать следствию и скрывать следы преступления, по ее представлениям, было одно и то же.

Кем же была эта несчастная? Зачем приехала к ним во двор на чужой машине? Для чего ходила по квартирам? У кого узнать?

Может, у Матрены? Сделать вид, что она пришла заступиться за Сергея Леонидовича. Начать с покачивания головой и плавно перейти к вопросам. Так, который час?

На часах было десять минут десятого. Нормально, Матрена смотрит сериалы до часу ночи. Время для визита в самый раз.

Маша затолкала все, что осталось в пакетах, в шкаф. Скомкала пакеты, швырнула их в специальный ящик. Взяла связку новеньких ключей, отцепила один и, натянув кроссовки, пошла на улицу. Вошла в соседний подъезд – код на дверях у всего дома одинаковый. Через минуту она уже звонила в дверь Матрены Алексеевны Митрохиной на первом этаже.

Какое-то время Матрена изучала Машу в дверной глазок. Потом открыла:

– Заходи.

Пожилая женщина посторонилась, пропуская гостью в прихожую. Хмыкнула Маше в спину, когда та вошла, послушно сняла кроссовки и шагнула в комнату.

– Нажаловался уже, старый хрыч?

Маша кивнула, обернулась:

– Я к вам как раз поэтому.

Матрена плотнее запахла толстый, как ватник, халат на впалой груди, кивнула на кресло.

– Садись, кино не скоро. Десять минут есть. Побалакаем.

Маша послушно опустилась в старенькое кресло с обшарпанной обивкой. В квартире у Матрены стерильная чистота, но как-то неуютно. Было тепло, даже душно, но ей все время казалось, что здесь повсюду гуляют сквозняки.

– И что тебе рассказал Зотов, Маш, а?

Узкие глазки хозяйки прищурились. За толстыми веками с редкими бесцветными ресничками Маше почудилась ненависть.

– Рассказ был сумбурным, – осторожно начала она. – Сергей Леонидович что-то говорил насчет эвакуатора, потом еще о хозяине машины, о какой-то девушке. Я, честно, ничего не понял.

– А тебе и не надо было понимать! Раздул старый пень историю! Я просто с ним поговорить, а он все в штыки, все в штыки принимает. Любое мое слово. Я, Маш, честно, не хотела его обидеть, просто поговорить остановилась. А он от меня шарахается, как черт от ладана. Даже отмахивается. Завтра с осиновым колом на меня пойдет.

И она рассмеялась – весело, звонко, как девчонка. Маша тоже улыбнулась и вдруг подумала, что Зотов вполне может

нравиться этой женщине, просто как мужчина. Он старый, да. Но ведь и она немолода.

– Ох, Матрена Алексеевна, – Маша с улыбкой погрозила ей пальцем, – вы шутите, а он переживает. Давление, аритмия и все такое.

– Ой, да у кого нет давления в нашем возрасте, – отмахнулась та беспечно. – И переживает он, думаю, больше для вида. Чтобы тебя разжалобить. Нам ведь всем сочувствие нужно, не только ему. Возраст такой наступил. А жаловаться ему не на что, я ничего такого обидного ему не сказала. Я ему даже насчет мусора, который он под окна ночами выбрасывает, ни слова не сказала.

– К-какой мусор? – кажется, она позеленела от ужаса, сковавшего все тело. – О чем вы? Я сама его мусор почти каждый день выношу.

– Значит, в тот день не вынесла, – отозвалась Матрена беззлобно. – Ты, помню, вернулась в тот день поздно. Когда тебе было выносить-то?

Маше хотелось быть уверенной, что они говорят об одном и том же дне, но она не рискнула уточнять детали.

– А он, изверг, ночью, ближе к двенадцати, что-то из окна ванной вышвырнул. Да тяжелое такое, аж кусты поломало. Я утром туда ходила, но ничего уже не нашла. Вынес, видно, совесть проснулась. Вот старый жук, а!

– Понятно.

Маша очень хотела уйти, но вместо этого с силой сжала

колени, чтобы не подпрыгивали, и как завороченная смотрела на Матрену. Это не соседка, а просто монстр какой-то! Все видит, все слышит. А если бы у нее хватило ума в ту ночь выйти и заглянуть за угол, что бы она увидела? Как Маша грузит упакованное в пленку тело мертвой девушки?

Господи!..

– А что за девушка? Он мне что-то такое говорил. Какая-то машина, какая-то девушка. Это что за история?

– Да шастала у нас по дворам какая-то девица. Короткая стрижечка, худенькая, маленькая. В джинсиках. – Острые плечи Матрены Алексеевны под толстым халатом дернулись вверх-вниз. – С блокнотиком. Мне сказала, что журналистка.

– Журналистка? – Маша в душе ужаснулась. – А что ей здесь было нужно?

– А кто ж ее знает, – фыркнула Матрена Алексеевна. – Я с ней говорить не стала. Думаю, никакая она не журналистка, а аферистка. Взяла у человека машину и пропала. Машину бросила, а сама сбежала. Аферистка!

– А какие она вам вопросы задавала? На что вы отвечать-то не захотели? Странно это как-то.

– Вот-вот, именно странно, – погрозила почему-то пальцем соседка. – Спрашивала, сколько я здесь живу да сколько мои соседи. И еще что я могу о них сказать.

– Странно, – повторила Маша. – Более чем странно.

– Говорю, аферистка. Потому и пропала.

– А машина?

– А что машина? Взяла покататься у хорошего человека. Пыль в глаза пустить. Вот, мол, какая я крутая, на машине приехала. Пыталась в доверие войти!

– А кто ей машину одолжил? Вы сказали, влиятельный человек?

– А вот он.

И Матрена Алексеевна, перегнувшись через подлокотник кресла, в котором сидела, дотянулась до нижнего яруса журнального столика и схватила стопку газет. Швырнула их Маше на колени.

– И что здесь?

Маша уставилась на газету, которую никогда не читала. У издания была весьма скандальная репутация.

– Главный редактор Глебов Василий Геннадьевич.

– И?

– Он ей машину дал покататься.

– Главный редактор этой газеты? – ахнула Маша.

Выходит, девушка на самом деле была журналисткой, раз главный редактор одолжил ей машину, а она ходила по квартирам и задавала вопросы. Интересно, кто-нибудь оказался разговорчивее Матрены Алексеевны?

– А что ты удивляешься? – снова фыркнула соседка. – Небось любовница его, вот он сопли-то и распустил. Кто в здравом уме и памяти даст машину девке? А дома наверняка жена и дети. А он добром семейным распоряжается! Так они

все такие мужики – скоты!

Подведя черту, Матрена уставилась на часы, потом на экран, следом на Машу. Взглядом выпроваживала гостью. Начинался сериал.

– Мне пора. – Маша вздохнула, поднялась с кресла и пошла к двери.

Матрена за ней не последовала.

– Я вас очень прошу, Матрена Алексеевна, – крикнула Маша уже из прихожей, – будьте помягче с Сергеем Леонидовичем! Хорошо?

– Ой, да очень он мне нужен, – отозвалась та в ответ. – Скажите, какой обидчивый!.. Ты, Маш, дверь-то захлопни.

Она вернулась к себе. Села на кухне напротив того места, где умерла та девушка, и надолго задумалась. И то, к чему она пришла, ей совсем не понравилось.

Девушка, видно, и правда была корреспондентом этой газеты, раз главный редактор одолжил ей свою машину. Она ходила по квартирам и задавала странные вопросы: кто с какого времени здесь живет и что может сказать о своих соседях.

Странно? Еще бы.

Кто ее интересовал? Не Машин ли возлюбленный был объектом ее интереса? Не его ли запретные амурные дела привлекли такое внимание? Не его ли деньги, полученные несправедливым путем, разбудили ее любопытство?

Что делать? Рассказать ему или нет? Но тогда придется

рассказать обо всем. И о том, что она совершила. Он ее точно бросит после этого. Теперь уже точно бросит!

Что же делать?

Глава 4

Назаров вошел в темное фойе редакционного здания, где до недавнего времени работала Настя Глебова. Интересно, подумал он, озираясь, она все еще в штате? Или уволили за прогулы?

Подошел к доске объявлений, почитал. Ничего стоящего. О Насте ни слова. Новости из жизни редакции показались ему никчемными. Охраны не было, турникета тоже.

Не встретив никаких препятствий, Назаров отправился гулять по узким коридорам. Слушал оглушительный женский хохот, мужскую брань, грохот каких-то железок, может, даже печатных станков. А что? Верстают свою газетенку прямо здесь, по старинке. С них станется.

Кабинет главреда обнаружился в самом конце коридора. Массивная металлическая дверь, табличка, на табличке под должностью: «Глебов Василий Геннадиевич».

Назаров потянул дверь на себя и вошел.

За огромным, как сцена, столом сидел полный потеющий мужчина с почти лысой головой. Он ничего не делал. С печалью рассматривал кончик авторучки, которую сжимал в ладонях.

– Добрый день. Я войду? – Назаров, не дождавшись разрешения, уже вошел. На ходу начал представляться: – Назаров моя фамилия. Назаров Максим Сергеевич. Капитан убойно-

го отдела.

Толстяк вяло кивнул, потянулся рукой к нему, но потом передумал. Руку уронил обратно на стол, снова вцепившись в авторучку. Назарову указал глазами на стул у окна, обитый дерматином.

– Глебов Василий Геннадиевич? – уточнил Назаров, сдвигая стул на середине комнаты, куда он его собственноручно оттащил. – Главный редактор?

– Все так. – Толстяк вздохнул, глянул на него так же печально, как на кончик авторучки минутой ранее. – Что привело вас ко мне? Есть горячий материал? Готов заплатить.

Все это он произнес заученной скороговоркой, но в голосе энтузиазма не было ни на грош.

– Платить мне не нужно. И я не с материалом, я с вопросами. Не стану ходить вокруг да около. К нам поступило заявление от вашего сотрудника Светлова Ивана Ивановича.

Губы Глебова вытянулись в тонкую линию и неожиданно задрожали. И Назаров отчетливо услышал, как сквозь них проползло осторожное: «Мерзавец».

Ого, вот это начало.

– Он заявил об исчезновении своей девушки Глебовой Анастасии Ивановны. Кстати, вы не родственники?

– Нет. Однофамильцы. – Главный редактор провел дрожащей рукой по редким волосам. – Хотя от такой дочери или сестры я бы не отказался. Светлый человек, не то что этот...

– Светлов, – подсказал Назаров.

– Совершенно верно! Это не человек, поверьте! Это просто пиявка какая-то!

– Пиявка?

Назаров вспомнил ухоженного парня. Он мог показаться кем угодно, только не пиявкой.

– Пиявка, – с чувством повторил Глебов. – Сначала присосался к Настиному везению. Потом к ее успеху. Дальше на талант посягнул!

И он, запыхавшись, замолчал.

– Объяснитесь, – жестко потребовал Назаров.

– Не вопрос.

Полные руки, плотно обтянутые рукавами белоснежной сорочки, взметнулись и снова упали на стол. Он минуту молчал, рассматривая Назарова. Потом начал говорить.

– Для начала ему повезло, что я их взял на работу. Не его, заметьте, взял. Настю! Потому что она как-то так повела со мной беседу... Как-то так быстро к себе расположила. Еще и фамилия, понятно, сыграла. Но нет, не в фамилии дело. Просто сразу рассмотрел талантливого журналиста и хорошего человека. Не смог я ей отказать, вот не смог! Потом она стала просить за Светлова. Пришлось взять и его. Вообще-то у нас коллектив очень хороший. Но с ним я так и не сошелся.

– Почему?

– Не знаю. С Настей все отлично складывалось. Я ей: «дочка», «дочка». Она мне иной раз: «папуля». – Глебов помрачнел. – Первые ее статьи мгновенно подняли наш рей-

тинг. Она из никчемной темы могла сделать конфетку. А уж если там что-то такое было... А она мастер была рассмотреть. Просто провидица какая-то.

– А Светлов?

– Бездарь! Бездарь и тупица! Подозреваю, Настя за него все писала. Его материалы с некоторых пор стали набирать популярность. И он, мерзавец, все равно завидовал ее успеху. Неблагодарное животное! – Глебов отчетливо скрипнул зубами. – А какой он устроил ей скандал, когда она себе придумала псевдоним! Требовал отдать псевдоним ему. Обвинял в плагиате!

– Что за псевдоним?

– Иванчик.

– Просто Иванчик?

– Да, без имени. И не понять было, мужчина это или женщина. Знаете, что самое скверное?

– Что?

– Когда Светлов засуетился после Настинного исчезновения, он пришел ко мне и попросил разрешения использовать псевдоним Насти под своими статейками! Я его чуть...

– Что?

– Чуть не уволил гада!

– А почему не уволили?

– Если Настя вернется, она не поймет, – выдавил Глебов едва слышно.

Назаров тут же подумал, что главный, невзирая на разни-

цу в возрасте, запросто мог быть влюблен в девушку. Потому и помогал, потому и покровительствовал. Потому и Светлова ненавидит.

– Вы знаете, что они поссорились и она ушла из дома еще на майских?

– Да, она мне звонила.

– Где она все это время жила?

– В какой-то гостинице на окраине.

– Когда она в последний раз с вами связывалась?

– Когда забирала мою машину.

– Она забрала вашу машину? – не поверил Назаров. – Зачем?

– Для работы. Не могла же она носиться по городу пешком, – фыркнул Глебов и глянул на Назарова с укоризной. – А Светлов свою колымагу брать ей не позволил. И я пошел ей навстречу.

– Так какого числа это было?

– За день до того, как замолчал ее телефон. – Глебов подумал. – Точнее не скажу. Я тут крутился, как белка в колесе. Проверки, скандал с одной дамочкой вышел. И в выходные я все время здесь был. Зачищался, между нами говоря. Вот и...

– Где вы передавали ей машину?

– Так прямо на стоянке у редакции. Настя дождалась вечера, подкралась ко мне. Я обычно поздно выхожу. Она все боялась на Светлова нарваться.

– Прямо так и боялась?

– Может, преувеличиваю, просто не хотела его видеть. Наконец она согласилась со мной, что он мерзавец. – Впервые с начала разговора лицо Глебова озарилось подобием улыбки. – А я ей: «А я что говорил? Все слушать меня не хотела, девочка».

– Так что дальше? Она дождалась вас на стоянке и...

– Попросила служебную машину. Я ей отдал свою.

– Почему?

– Потому что со служебной одна морока. Километраж потом как-то надо списывать, все подтверждать командировочным удостоверением. Морока, одним словом. Я сам на нее пересел, на служебную. А свою ей отдал. Настя помахала мне и уехала. А через пару дней, когда я ей позвонил, ее телефон уже молчал. Абонент не доступен.

Лицо Глебова сделалось несчастным.

– Послушайте, а может, она просто уехала куда-нибудь? Может, просто отдыхает, воспользовавшись тем, что у нее есть машина? А там нет связи. – Назаров принялся сочинять, он все еще не видел состава преступления в этой истории.

– Я нашел ее, – с горечью выдохнул Глебов.

– Кого? – подпрыгнул Назаров. – Настю?

– Машину. Машину нашел. – И главный редактор, прикрыв пухлой ладонью глаза, отчетливо всхлипнул. – Настя в беде, я это чувствую! С ней что-то случилось!

– Так, стоп. Давайте с этого места подробнее, – приказал

капитан, сразу сделавшись серьезным. – Где нашли машину? Когда? Каким образом?

– Машину нашел вчера во дворе спального района. Тихий такой дворик. Не сам, конечно, нашел, помогли мне. Есть у меня знакомые в службе эвакуации, попросил. У тех свои подвязы... Короче, машина моя стояла на парковке в одном дворе. – Глебов назвал точный адрес. – Дальше я подогнал эвакуатор и забрал ее, пока окончательно не разграбили.

– Что, машина была не заперта?

– Совершенно верно.

– Что-то пропало?

– Не знаю, моих вещей в ней не было. Нет, запаска на месте, знак аварийной остановки тоже. Ящик с инструментами есть, автомобильный дезодорант. Пропали вещи Насти. Никаких следов. Может, они у нее были с собой? Но заметки... их не было! И это, замок на багажнике был не заперт.

– Считаете, что в машину проникли через багажник?

– Не знаю. У меня с замком там давно неполадки. А зачем кому-то в нее проникать? Машина была не заперта.

– Она стояла на сигнализации?

– Нет, – повесил голову Глебов.

– Понятно. А кто мог знать, что замок багажника неисправен?

– Да откуда же я знаю? – взорвался вдруг Глебов. – Кто видел, как я с ним вожусь иногда, тот и знал.

«Значит, все сотрудники твоей газетенки были в курсе, –

подумал Назаров. – И Светлов в том числе».

Что ж, это плюс.

– Вы сказали, что пропали рукописи, – напомнил он.

– Я сказал, пропали заметки, – поправил жестко Глебов.

– Что за заметки? Почему они пропали?

– Настя всегда свои заметки таскает с собой. Говорит, что может что-то щелкнуть, а бумаг с собой нет. Она не очень любит компьютер. Не доверяет. – То ли умышленно, то ли по привычке Глебов говорил о ней в настоящем времени. – И у нее с собой всегда синяя папка. Старомодная такая картонная синяя папка на тесемках. Она ее очень любит, талисманом считает. У всех, знаете, свои странности.

– Папка из машины пропала?

– Да. А Настя ее при мне убирала в ящик для перчаток, он у меня вместительный. Когда я нашел машину, папки там не было.

– Но она могла пойти куда-то, кого-то интервьюировать и взять папку с собой.

– Нет, – гневно перебил Глебов, – не могла! Эта папка... Знаете, она работает с ней один на один. Просто кладет перед собой в тишине и без свидетелей начинает перебирать свои записи. Там всегда куча листочков. Из тетрадок, из блокнотов, какие-то старые снимки из газет. Если она ведет какое...

Он долго выбирал слово, но так и не нашел ничего подходящего и неуверенно закончил:

– Расследование...

– Расследование? – не поверил Назаров. – Она что, вела у вас колонку криминальных новостей?

– Скорее скандальных, – пробормотал неуверенно Глебов. – Как таковой колонки криминальных новостей у нас нет. Но с появлением Насти в газете что-то такое стало вырисовываться. Она... Она наша надежда. Я на нее ставил, если честно. У нас рейтинг в последние два месяца подскочил. И тут такое!

Папка с заметками и всяким бумажным хламом пропала. И Настя пропала. Что за тема?

– Что могло привлечь ее внимание в том дворе, где вы обнаружили машину?

– Вряд ли в том дворе живет кто-то, кто ее интересуется. – Глебов принялся теребить жирный подбородок. – Она умеет шифроваться. Она ни за что не вышла бы из машины на глазах у объекта, который пасет. Она умеет наблюдать.

– Следить, вы хотите сказать?

– Да, Настя это умеет. Маленькая, юркая, она может стать незаметной. Она меня самого насмерть перепугала, когда там, на стоянке, незаметно подошла.

– Вы знаете, что за человека она взялась пасти?

– Нет! – с горечью воскликнул Глебов. – В том-то и дело, что нет! Я когда машину ей отдавал, спросил. А она...

– А она?

– Она говорит: «Потом, Геннадьевич. Все потом, боюсь сглазить». Она суеверная в этом вопросе. Как, впрочем, и

вся наша братия. Но, говорит, это будет такая бомба! И глаза горят.

– И вы ей поверили на слово? – усомнился Назаров.

– Я не мог ей не верить, потому что она ни разу не обманула. Ни разу! – подчеркнул Глебов. Помолчал, потом хмыкнул недоверчиво. – Стало быть, говорите, Светлов заявление об ее исчезновении вам принес?

– Совершенно верно.

– А знаете, почему он это сделал?

И Глебов начал подниматься со своего места, громадный, рыхлый, неуклюжий. Хотел, видно, казаться грозным. И тут же Назаров пожалел толстяка. У главного редактора нет улик против Светлова. И сейчас он постарается его оговорить.

Мысль Назарова опередила слова Глебова всего на долю секунды. Уже в следующее мгновение тот произнес:

– Светлов поспешил к вам с заявлением, потому что знал, что Настя уже не вернется! Никогда!..

Глава 5

Данила Кобзев ненавидел выгуливать Чарли в лесополосе недалеко от их с Оленькой дома. Он и Чарли ненавидел, если быть честным. Глупая собака непонятной породы. Никакого проку от нее, только беспорядок, шум и, пардон, дерьмо. И это дерьмо он, Данила Кобзев, должен собственноручно соскребать совочком с газона или из-под дерева и убирать в специальный мешочек.

Мерзость какая.

– Не хочешь этого делать, милый? Ступай в лес. Там утром никого нет. Для велосипедистов и любителей прогулок еще рано. Там убирать за Чарли не нужно, – прошептала ему сонно Оленька из-под одеяла.

Ее собака. Ее чертова собака, а он должен ее выгуливать! Где справедливость?

И он послушно потащил Чарли в лесополосу, потому что тот с вечера обожрался корма и приседать, как Данила подзревал, станет не единожды.

Утро было хмурым, противным и сырым. Под ногами чавкало от обильной росы. Перед глазами висела пелена то ли мелкого дождя, то ли густого тумана. Данила увел собаку подальше и спустил с поводка. А когда Чарли как ненормальный рванул в ближайшие кусты, он с надеждой подумал, что пес может потеряться. Почему нет? Заблудится и не найдет

дорогу назад. Он постоит для приличия минут десять. Может, даже покричит, но негромко. И повернет обратно. И никто его не обвинит в жестоком обращении с животными.

Эти мысли немного подняли настроение. Данила поднял повыше воротник болоньевой куртки, сунул руки в карманы и задрал заспанное лицо к небу. Теперь даже влага его не раздражала. Поводок мотался на локте, Чарли не слышно. И у него есть крохотный, но все же шанс улететь через пару недель на отдых с Оленькой. Вдвоем, без этого проклятого Чарли, с которым ни в один приличный отель не пускали.

От этих мыслей сделалось почти хорошо. Пусть на улице не жарко, но приятно свежо. Пахнет какими-то цветами, прелой листвой и...

– Вы тоже решили сюда своего друга вывести? – раздался за спиной дребезжащий женский голос, заставивший его вздрогнуть.

Данила обернулся. В шаге от него пожилая женщина в легком лыжном костюме держала на поводке огромного кота.

– Решил, – скупно улыбнулся ей Данила. – Доброе утро вам.

Он не был грубияном. Он всегда был вежливым и обходительным и прекрасно знал, что галантность открывает многие двери. Дверь Оленькиной благоустроенной квартиры он открыл именно так.

– Доброе, – женщина приветливо улыбнулась. – А мы здесь почти каждое утро. Среди собачников нам не совсем уютно, сами понимаете. А где же ваш питомец?

– Чарли? Гуляет, – и он для порядка покрутил головой по сторонам и даже пару раз громко крикнул. – Чарли! Чарли! Где ты, мальчик?

Противная собака отозвалась немедленно громким лаем. Данила про себя чертыхнулся. А через минуту неожиданно встревожился: Чарли лаял непривычно. Это был не собачий лай, скорее собачья истерика.

– Что это с ним? – пробормотал он и беспомощно глянул на женщину.

– Ой, может, в капкан попал? – прошептала старая дура и тут же подхватила на руки огромного кота. – Идемте посмотрим!

Капкан? На кого, на медведя, что ли? Здесь кроме мышей и крыс отродясь никого не водилось. Может, жабы еще и ужи жили в лощине, постоянно заливаемой водой.

– Идемте, идемте, – настаивала женщина и смело двинулась вперед по высокой траве, достающей ей почти до колена.

Данила с сожалением глянул на свои кроссовки и пускай старенькие, но чистые джинсы и двинул следом. Они шли на истерический лай Чарли минут пять. Непременно бы противная скотина заблудилась, не появившись эта тетка. Вынесло ее!

Чарли почти хрипел, когда они дошли до огромного дерева. На что он так осерчал, видно не было за мощным стволом. Женщина увидела это первой. Ойкнула, остановилась, а

потом попятилась со странным тихим воем. Данила обошел ее стороной, заглянул за дерево, и его тут же стошнило.

Там был труп. Страшный зловонный труп, кажется, женский. И именно его чертова собака это обнаружила. Да еще при свидетелях. Теперь не отвертеться от вызова полиции и дачи показаний.

– О господи! – выдохнул Данила и тут же согнулся, отбежал в сторону и принялся блевать.

Ему выворачивало все внутренности. Чарли продолжал истошно лаять. Женщина со стоном ныла в телефонную трубку – вызывала полицию.

Приехали через полчаса. Все это время его случайная знакомая тихо выла в сторонке, прижимая к себе кота. Данила прислонился к какому-то дереву подальше от трупа и с ненавистью смотрел на Чарли. Тот был уже на поводке, Данила привязал его, но чертова собака не думала униматься. Данилу по-прежнему мутило и снова едва не вырвало, когда он звонил Оленьке и рассказывал обо всем.

Знаете, что она сказала, после того как перестала верещать?

– Чарли, какой же умница! Он обнаружил тело! Может, его теперь даже за это наградят.

«Какие хозяева, такие у них и питомцы», – вдруг подумал Данила. Впервые так подумал об обожаемой Оленьке.

Приехало сразу много народу. Участковый, Данила его узнал, хотя тот был в гражданском и с заспанной физиономи-

ей. Еще несколько человек в штатском, один, кстати, с чемоданчиком. Карета «Скорой» подкатила. Даниле задали всего несколько вопросов, переписали его данные и тут же о нем забыли. Сделалось даже немного обидно. Он не последний человек здесь, если что! Это собака его девушки обнаружила зловонный труп. И ему или его собаке могли бы выразить хоть какую-то благодарность. Но мелкая обида тут же прошла, стоило одному из парней обратиться к Даниле.

– Что вы сказали? – Он ужаснулся.

– Мне хотелось бы, чтобы вы еще раз внимательно взглянули на тело, – бесцветным голосом произнес полицейский эксперт.

– Зачем? – У него даже кожа на лице натянулась, так он побледнел.

– Возможно, узнаете потерпевшую. – Парень вздохнул и нехотя добавил: – Это просто формальность, понимаете? При трупе не обнаружено ни документов, ни сумки, ни телефона. Идентификация может занять много времени.

– Но я при чем? – Он начал задыхаться. Смотреть снова на разлагающийся труп не хотелось.

– Вы ее нашли, – настырничал мужик в штатском. – Нам надо соблюсти формальности.

– Не я один ее нашел! – смело возразил Данила.

И незаметно для всех пнул ногой Чарли, который, как назло, зatih. Лучше бы визжал, чтобы от них постарались поскорее избавиться. Но Чарли вредничал и лаять не стал.

Свернулся в комочек, спрятал беспородную мордаху в лапах и затих.

– Женщина уже осмотрела тело. Она не знает девушку.

– Девушку? Считаете, что это... Что она молода?

– Эксперт утверждает, что ей не больше тридцати пяти.

– Господи!

Данила судорожно перекрестился. Сильно вытянул шею, попытался выглянуть из-за широкого плеча мужика в штатском. Хотелось рассмотреть эксперта, который возился с трупом.

– А что с ней? Наркотики? Алкоголь? – почему-то шепотом спросил он.

– Нет. Ее убили, – и малый впился в него острым, как шило, взглядом. – Ножом в сердце.

– Боже мой! – Данила запечатал рот ладонью, боясь, что снова начнет блевать. Но тут же спохватился: – Почему вы считаете, что я могу ее знать?

– Возможно, она местная, – парень пожал плечами. – Документов нет. Сумки нет. Может, бытовая драка и далеко не потащили. Может, тоже собаку выгуливала: зверь сбежал, а девушка осталась. Вы все же взгляните.

И он взглянул. И над ним потом еще минут десять колдовал врач «Скорой помощи». Даже отпускать не хотел, настаивал на госпитализации.

– У меня собака. Мне надо домой, – едва слышно возражал Данила и дышал широко открытым ртом, отводя мут-

ный взгляд в сторону от места, где лежала мертвая девушка.

– Значит, вам она не знакома? – в десятый, наверное, раз спросил мужик в штатском.

– Нет. Говорю же, нет! – лопотал он, как в бреду. – Почему я должен был ее знать? Фу, как же противно!.. Какая вонь!

В чувство его привел не доктор, а звонок Оленьки. Она окончательно пробудилась к тому времени. Выпила свое мерзкое пойло из огуречного сока и прокрученных ростков пшеницы. Приняла душ, накрутилась и жаждала прижать к сердцу своего Чарлика. Не его, Данилу, заметьте, а мерзкого Чарлика, из-за собачьего любопытства которого с Данилой случилось все это.

– Данила, немедленно домой! – принялась гневно повизгивать Оленька, точь-в-точь как ее собачка. – У Чарли случится стресс из-за всего, что пришлось пережить! И мы опаздываем. Тебе ведь еще надо в душ.

Его отпустили, слава создателю. Он отвязал собачку, наматал поводок на ладонь, чтобы эта тварь снова не улизнула и не преподнесла еще какой-нибудь сюрприз. И на слабых ногах отправился домой.

В квартире пахло подгорелым хлебом: Оленька снова сожгла тосты. Воняло ее агрессивными духами и освежителем воздуха из туалета. Смесь этих запахов всегда бесила Данилу. Всегда, но не сегодня. Сегодня он был им несказанно рад. Они, смешавшись, избавляли его от вони смерти, которой он надышался только что.

Он снял ошейник с Чарли, шлепнул его по крохотному задку, отправляя к хозяйке, сам пошел в душ. И пробыл там минут двадцать. Его все еще мутило. Он без конца чистил зубы и нарочно тянул время, надеясь, что Оленька уедет без него и не нужно будет перед ней появляться с бледной физиономией и трясущимися губами. Она хоть и дурочкой была, его обожаемая малышка, но читала его на раз.

Оля не уехала. Она вдруг решила накормить его завтраком. Это было впервые. На его вопросительный взгляд ответила:

– Ты пережил ужасное утро, милый. Пей кофе.

Кофе она варить умела, и он с наслаждением подливал себе снова и снова. Пока взгляд не прояснился и не перестало мутить.

– Теперь салатик. – Оленька заботливо пододвинула к нему тарелочку с тремя огуречными и помидорными кружками. – И нам в самом деле пора, Данила.

Он кивнул, протолкнул в себя ее салат, снова запил кофе и неожиданно затих, невидяще глядя за окно.

– Данила, что-то не так? – Силуэт Оленьки перекрыл световой поток из окна, и ее тщательно накрашенное лицо приблизилось к его глазам. – Что? Ведь что-то же случилось там, в лесу, так?

– Да, – кивнул он и беспомощно развел руки в стороны. – Случилось, малыш.

– И что же? – Ее взгляд полнился недобрый любопыт-

СТВОМ.

– Я ее узнал!

– Кого? Кого ты узнал, господи помилуй?

Она поняла. Все поняла, хоть он и считал ее дурочкой. Со слабым оханьем опустила на стул напротив. Прижала руки к груди, вытаращилась на него, спросила:

– Ты узнал тело?!

– Да.

– И кто же это? Кто, Данила?

– Та самая журналистка, которой мы с Вовчиком отвесили пенделя несколько месяцев назад.

– Вовчик? Какой Вовчик? Какого пенделя? – Гладкий лобик Оленьки пошел грубыми складками. – Я чего-то не знаю, Данила?

– Понимаешь, это такое дурацкое дело...

Он не мог ей рассказать всей правды, сто процентов. Он тогда с Оленькой еще даже знаком не был. Зато хорошо был знаком с Вовчиком, мастером всевозможных сетевых афер. И они неплохие деньги поднимали, занимаясь всем, что придумает Вовчик. Вовчик придумывал, Данила исполнял. Бегал на свидания, разводил одиноких телок на деньги. Ходил по квартирам, продавал пенсионерам все что придется. Представлялся кредитным инспектором, сотрудником себя. Словом, не брезговали ничем. Они не зарывались, нет. Но и не думали останавливаться. Пока однажды им на хвост не наступила верткая маленькая журналистка, явившаяся к

Даниле на свидание под видом недавно осиротевшей генеральской дочери.

Ох, что потом было, вспомнить страшно!

Сначала вышла статья. Едкая, без имен и фамилий, но обличающая их действия и настораживающая пользователя. Потом еще одна статья, с фотографией Данилы со спины. Журналистка собиралась написать третью, но схлопотала пинок под зад и десяток угроз в свой адрес. Вовчик даже к ее шефу не поленился съездить. Возмущался, грозил судами, громкие имена называл, намекая на покровительство. Главный редактор как человек осторожный и мудрый статью попридержал, но за пинок потребовал извинений перед девочкой.

Данила извинения принес и даже букет притащил. Дело замялось. Забылось. Их с Вовчиком партнерство рассыпалось.

И вдруг.

Он узнал ее, хотя узнать было сложно. Но все равно узнал. А узнав, так перетрусил, что блевал потом уже не от отвращения, а от страха.

– Данила, я жду! – потребовала Оленька, и впервые за все время их связи ее взгляд сделался строгим и жестким.

– Понимаешь, это такая дурацкая история...

– Это уже было, Данила. Говори или мне придется с тобой расстаться.

– Что же, – он обреченно кивнул и попытался пошутить: –

Что так тюрьма, что так три года.

– Данила!

– Хорошо.

И он все ей рассказал. Может, не все, но в общем. Закончив говорить, боялся поднять на Оленьку глаза. Уже мысленно собирал вещи в свою огромную дорожную сумку на колесиках. Как вдруг...

– Да ты у меня шалунишка, мальчик мой, – вкрадчиво пробормотала Оленька. Зашла со спины, улеглась грудью ему на спину, повторила: – Шалунишка ты у меня!

– Оль, прости. Прости, что не рассказал тебе раньше, но сама понимаешь... – Он поймал ее ладошки, принялся целовать бегло, быстро, виновато. – Прости, малышка. Прости.

– Ай да Данила-мастер! Ай да затейник! А ты знаешь... – Она скользнула ему на колени, обняла за шею, глянула со странной улыбкой, – это так возбуждает. Может, к черту работу? Займемся чем-нибудь приятным, а?

– Легко! – Он принялся жадно щупать ее тело, будто впервые держал его в руках. Но вдруг спохватился. Отстранился, глянул испуганно: – Оль, а что, если они докопаются?

– Кто они? До чего докопаются? – Ее язык исследовал его ухо, дыхание обжигало.

– Полиция! Вдруг они узнают, что это я тогда с Вовчиком...

– И что?

– Мы пинка ей отвесили, скандалили, я ее мертвую нашел.

Оль, могут быть проблемы! – Страшная мысль подействовала, как хлыст, Данила дернулся, зажмурился, затих. – Они же могут все увязать в один узел. Там такие умники! Могут все раскопать!

– Что бы они ни раскопали, у тебя алиби, милый. На любое время суток. Ты со мной, ты мой. – Оленька резво потянула вверх тонкое шелковое платице. – Ты не мог причинить ей зла. Твоей вины в этом нет.

– А я не сказал, что узнал! Как быть?

– Тю-юю, – присвистнула Оленька, удобнее устраиваясь на нем. – Ты ее узнавать был не обязан. К тому же, сам говоришь, она ужасно выглядит.

– Да, ужасно. – Он передернулся, вспомнив.

– Вот и все. Ты ее не трогал, узнавать был не обязан. Забыли и забили, милый.

Глава 6

Он освободил Михаила от бумаг на неделю, заставил произвести поквартирный обход. А это ни много ни мало целых семь домов.

– По одному на день, Миха. – Назаров скупно улыбнулся. – Можешь за компанию Карину с собой взять. Будет веселее.

– Она работает, – ворчливо отозвался напарник.

Ему страсть как не хотелось делать этот обход. Оба понимали, что это иголка в стоге сена. Девушка могла оставить машину своего руководителя за пару кварталов от того места, где вела наблюдение. Но выбирать не приходилось, надо с чего-то начинать. Тем более что тело девушки было пару дней назад найдено в лесополосе неподалеку от того места, где обнаружилась машина Глебова. Жених опознал тело, безутешно проплакав потом минут двадцать в их кабинете. Они даже показания у него толком взять не смогли, так он был расстроен.

Самое мерзкое знаете что было? Это когда он встал со стула, пошатываясь, пошел к выходу и уже у самой двери нечаянно обронил:

– Как же я теперь один за квартиру платить буду?

Назаров до того опешил, что даже не нашелся, что ответить. Только ближе к вечеру, глянув на сосредоточившегося над бумагами Михаила, буркнул:

– Он ее не убивал, брат.

– Почему ты так думаешь? – Напарник сразу понял, о чем он.

– Мелкий, жалкий. – Максим пожал плечами. – И расчетливый.

– И?

– Такие все взвесят, прежде чем вонзать нож в сердце своей девушке. Нет, это не он. И удар, по оценке экспертов, был нанесен профессионально. А этот что? Разве он бы так смог? В лучшем случае табуретку ей об голову разбил бы. И то если бы сил хватило. А так скорее задушил бы. Нет, это не он.

– А кто? – Миша почесал переносицу, грустно глянул. – В кругу подозреваемых он и главный редактор. Но последний скорее себя бы жизни лишил, чем ее обидел. Макс, ты же понимаешь, что это висяк?

Назаров промолчал. Конечно, он понимал. Никаких следов, вот никаких. Журналистка Настя так зашифровалась, так отчаянно соблюдала конспирацию, что о ее расследовании не знал никто. И бумаги все пропали. И машину главред уже вычистил на мойке. Какие тут следы?

– Вот если бы кто хоть намекнул, над чем она работала, тогда надежда бы была.

– То есть? – Мишка снова тронул переносицу указательным пальцем.

– Тогда можно было бы определиться с подозреваемыми. Первая группа – те, под кого она копала. Вторая – ее без-

утешный жених.

– А он-то каким боком?

– Мог завладеть ее бумагами, чтобы самому прославиться. Настя утверждала, что это будет бомба, когда забирала машину главного. Что это могло быть? Что она раскопала? На что наткнулась? А теперь ее жених, выждав какое-то время, запускает этот материал в печать. Нам бы знать, что это, – проговорил Максим, рассеянно разглядывая напарника. И вдруг напрягся: – А знаешь, он ведь мог знать!

– Думаешь?

– Да. И скандал мог из-за этого у них произойти. Он же ревновал ее к успеху. И авторский псевдоним не мог ей простить. А стоило Насте исчезнуть, прибежал к шефу с просьбой отдать псевдоним ему. Это как, нормально?

– Ненормально, – согласился Мишка.

Тут же доброе сердце его заныло, стоило представить, что он так подло поступает со своей милой Кариной. Макс вот ее недолюбливает, а она же...

Она такая славная! Такая добрая и порядочная. А когда она спит, рассыпав по подушке длинные волосы, у нее лицо, как у ребеночка – беззащитное и доверчивое.

– Во-оот, – протянул задумчиво Максим, не догадываясь о трепетной маете напарника. – Он мог знать. Помогать и влезать в ее дела он не стал, потому что боялся. Он же трус. Может быть, из-за этого и поскандалил с ней, что боялся за свою шкуру. Но не знать он не мог, Мишка! Она папку домой

приносила? Приносила! Не в подъезде же она ее хранила, в самом деле. Она ездила на машине своего жениха, когда он разрешал, и возила папку с собой. Но когда она выходила из машины и шла домой, она и документы брала с собой. Так?

– Возможно, – осторожно согласился Мишаня.

– Не возможно, а так и есть. Главный сказал, что она с ней не расставалась. Значит, каждый день приносила ее домой. А дома... Дома папка лежала, к примеру, на столе каком-нибудь. В душ с собой она ее опять же не тащила. И знаешь...

– Что?

– Я ни за что не поверю, что такой тип, как Светлов, яростно завидовавший ее успеху, ее таланту, не заглянул хотя бы раз в ее документы. Не поверю, Мишаня, не уговаривай!

– И не собирался, – буркнул напарник, подосадовав на себя.

Он снова не догадался раньше Максима, а ведь это так очевидно. Светлов, конечно, должен был быть в курсе. Даже при условии, что Настя ничего не рассказывала. Даже если не показывала ему свои бумаги. Ничто не помешало бы ему влезть в них без ее ведома. Когда, как предполагает Максим, девушка была в душе.

– Итак, первое: надо трясти Светлова. Он мог знать и наверняка знал, над чем она работала. Его я беру на себя. А ты, как и было сказано, работай с людьми. Кто-то ее видел там, не мог не видеть. Даю неделю. О результатах докладывай каждый день.

– Может, еще каждый час? – огрызнулся Мишаня.

Он не любил поквартирные обходы. Не умел расположить к себе людей. При виде его они с чего-то сразу замыкались, принимались мямлить, отнекиваться. А он вовсе не давил на них своим авторитетом – пристально смотрел в глаза, говорил скупно, вежливо. Так Карина рекомендовала.

– Не надо скоморошничать, Миша. Ты на службе. И заискивать и улыбаться не обязан. Потому что люди должны помогать следствию. Иначе они помогают преступнику, – настаивала она его. – Ты не Назаров! Тому все игра.

Он ее слушал, следовал советам, и у него мало что получалось. Не шел народ с ним на контакт. Мишаня пытался улыбаться и шутить – выходило еще хуже.

Потому и не хотелось ему обходить квартиры и приставать к людям с вопросами.

А не видели ли они вот эту девушку, запечатленную на фотографии, десятью днями ранее? Если видели, то что могут сообщить? Как, в каком смысле? Что она делала, с кем говорила? Что-то же она делала в тот момент, когда вы ее видели, черт побери! Садилась в машину? Вылезала из машины? Болтала по телефону? Улыбалась, хмурилась, в конце концов?

В пяти домах из семи все пошло по заученному сценарию. Никто ничего не видел и знать не желал. Его настойчивость принимали за агрессию и пару раз даже пригрозили служебными проверками на соответствие.

– О как, – хмыкнул Назаров, когда Мишаня ему пожаловался в трубку. – Может, ты излишне давишь на них, а, напарник?

– Не давлю, – буркнул он. Хотя пару раз было, точно было.

– Чего же тогда народ с тобой говорить не желает?

– А Светлов с тобой прямо разговорился? – огрызнулся Миша. – Так все и выложил и даже папку с документами показал, которую он из машины выкрал?

– Не разговорился и ничего не показал, – признался Назаров после паузы. – Но она у него, Мишка. Точно у него. И не признался он мне, конечно, ни в чем. И утверждает, что они никогда не лезли в дела друг друга. В служебные дела, имею в виду. Но...

– Что?

– Но главный-то утверждает обратное. Он уверен, что самые удачные статьи писала за Светлова Настя. И что теперь, когда ее не стало, талант Светлова изрядно померк. И ему уже дважды завернули материалы на доработку. Вот так-то! – И Максим поспешил перевести разговор на другое: – И что, прямо никто и ничего?

– Именно так.

– Два дома осталось?

– Угу.

– Давай, удачи. Если что будет, звони.

Мишка не позвонил. Он лично явился к концу третьего рабочего дня. Зашел в кабинет с загадочным таким выра-

жением лица. Губы плотно сжаты, будто боится выболтать раньше времени главный секрет. На Назарова не смотрит. Сел за свой стол, вдохнул, выдохнул. Глянул-таки на Максима и, зажмурившись, мотнул головой.

– Макс, это такое...

Назаров насторожился. Мишка зря театральничать не станет. Что-то, видимо, нащупал.

– Щас по башке дам, – пригрозил он и запустил в его сторону бумажный самолетик. – Видел ее кто-нибудь?

– Да! Отиралась наша журналисточка у дома. – Миша по памяти назвал адрес. – Недельку шмыгала туда-сюда. Задавала странные вопросы. Посещала местный ЖЭК.

– О как! С целью?

– Якобы интересовалась некоторыми жильцами: когда заселились, сколько человек прописано на их жилплощади. Мотивировала подготовкой статьи о нерадивых жильцах, проживающих без регистрации и прописки и льющих воду без счетчиков. Называла с десяток фамилий. Но, думаю, это для отвода глаз. Интересовала ее лишь одна персона. Но это, опять же по моему мнению, поскольку другие персонажи служили ширмой. Ширмой для ее интереса.

Это он сейчас Карину процитировал точно, подумал Назаров. Вздыхнул, выдохнул, хотел поддеть, но промолчал. Простил.

– И что за персона?

– Некая Мария Ильинична Степанова.

– Кто такая? Чем занимается? С чего это она привлекла внимание? На ее жилплощади гастарбайтеры живут? – и Назаров ядовито оскалился.

– Нет, не живут в ее квартире гастарбайтеры. – Миша сразу обиделся. – Одна она живет. И с виду вполне благополучная. Тридцать лет, финансовый директор строительной компании. Название тебе ни о чем не скажет, но вроде репутация у компании не скандальная.

– Так чего ты?

– А она перепугалась, Макс! – выпалил с чувством Мишка Борцов и отчаянно заморгал.

– Чего перепугалась, не понял? – Назаров уставился на напарника. – Попробую угадать?

– Пробуй! – заносчиво выпалил тот и скрестил руки на груди.

– Ты, совершая поквартирный обход, зашел к ней. Показал ей фотографию погибшей Глебовой. И она что – побледнела? Упала в обморок? Принялась заикаться?

– Блин, с тобой просто неинтересно, Макс! – Мишка уронил обе руки вдоль тела, глянул с обидой. – Как догадался?

– Это элементарно, – улыбнулся Максим и провел ладонью перед лицом, будто разгонял сгустившийся воздух. – Но сейчас не об этом. Так как она себя проявила?

– А она...

Миша Борцов снова вспомнил, как сегодня утром, в начале восьмого, позвонил в квартиру на третьем этаже. Сначала

ничего. Потом звук открываемого замка, едва слышный лязг тонкой металлической цепочки. Дверь открылась сантиметров на пятнадцать.

– Что вам нужно?

На него смотрела девушка. Строго смотрела, неодобрительно. Видимо, он выдернул ее из душа. На голове тюрбан из полотенца, кутается в банный халат.

– Мне необходимо задавать вам пару вопросов. – Миша вежливо улыбнулся, показал ей удостоверение и добавил, вопреки советам Карины, неумелую шутку. – Извините, что так рано. Приходится ловить вас, пока вы еще не сбежали.

– Меня не надо ловить! – возмутилась девица, не торопясь открывать дверь. – И сбежать я не собираюсь! С какой стати?

– Я не это имел в виду! – забеспокоился сразу Миша. Снова он попал. – Я имел в виду, что вы на работу уедете, и я вас не застаю.

– Так и называйте вещи своими именами! – нелюбезно и даже гневно дала отпор Мария Степанова.

Он уже знал, что это именно она Мария Ильинична Степанова, потому что ходил со списком, любезно предоставленным ему паспортисткой ЖЭКа. Та даже о разрешении и санкциях не спросила. Рада-радешенька, что не к ней, не по ее душу. Вложила ему в руки списки жильцов дома, о котором расспрашивала Настю Глебову, и с легким сердцем отпустила на все четыре стороны.

– Так мы можем поговорить? – Михаил нахмурился. Ему

расхотелось улыбаться и шутить с сердитой жиличкой. – Или вы к нам по повестке придете?

– Щас, – буркнула она, прежде чем закрыть перед его носом дверь. – Ждите.

Открыла минут через пятнадцать. Миша ждать устал, не представляя, что можно так долго делать. Одеться – пару минут, полотенце с головы скинуть – еще полминуты. У него Карина за такое время успевала не только собраться, но и завтрак им двоим приготовить.

– Входите, – позволила, наконец, девушка, распахивая дверь.

Он вошел. Огляделся. Прошел за ней следом в кухню. Везде красиво, нарядно, дорого. И девушка была такой же – красивой, нарядной, дорогой. Длинные ноги, узкая талия, развитая грудь.

Так Карина всегда говорила о женской груди больше третьего размера. Именно развитая, не большая.

Волосы, еще влажные после душа, слегка завивались на кончиках и у висков. И Мишке, стыдно признаться, отчаянно захотелось дотронуться до ее влажных волос. Интересно, они такие же мягкие и воздушные, какими кажутся? Устыдился и тут же нарочно отвлек себя, думая, что кажущееся простым платье бирюзового цвета, которое на ней надето, наверняка очень дорогое. Оно облегало ее, как вторая кожа. Ни единой лишней складки или залома. Сидит безупречно. Длина ровно до колена. Узкие бежевого цвета туфли на тон-

ких каблуках. Бежевый плащ на спинке обеденного стула. На столе сумка, тоже бежевая с коричневыми застежками.

Сколько она зарабатывает, что может позволить себе так одеваться? Все, в чем и с чем она собиралась выйти сейчас из дома, по самым скромным его подсчетам, тянуло тысяч на сто с лишним. Откуда такие деньги?

И он совершенно непредвзято записал это ей в минус.

– Ты даешь, брат! – перебил его в этом месте Назаров. – По-твоему, раз женщина красивая и красиво одевается, она заведомо готова совершить преступление?

– Нет, конечно, но...

Он смутился, вспомнив, как обиделся тогда сразу за свою Карину, которая не может себе позволить приличный купальник к лету. Как она, бедная, болезненно морщилась и называла всех продавцов сволочами за ценники на купальниках в триста долларов.

– Но что? – Назаров послал в его сторону еще один бумажный самолетик. – Не вызывают у тебя доверия красивые женщины в дорогих одеждах, так?

– Не то чтобы, но... – Мишка порылся в памяти, подбирая подходящий тезис, и выдал: – Но есть в них какая-то тайна, Макс.

– Тайна или загадка?

– Нет, именно тайна! И знаешь, я думаю, что мы не ошибемся, если возьмем под подозрение эту Степанову.

– Не понял.

– Думаю, она причастна к исчезновению Глебовой. Она так побледнела, Макс, когда я показал ей ее фото! И даже вот так за горло схватилась.

Мишка обхватил мощными пальцами свое крепкое горло и постарался сделать несчастное испуганное лицо.

– Угу, – кивнул Назаров. – А она побледнела до твоих слов или после?

– Ты на что намекаешь?

Борцов снова отчаянно заморгал. Когда он чего-то не схватывал на лету, его ресницы метались как сумасшедшие. Карина при Назарове не раз утверждала, что подобное напряжение лицевых мышц позитивно сказывается на Мишкиной мозговой активности.

Дура.

– Чего ты не понял? Мария Ильинична Степанова побледнела, просто взглянув на фотографию? Или взглянула на нее после твоих слов и побледнела?

– Это что-то меняет? – Мишка злобно фыркнул. – Хочешь сказать, что ее так пугает судьба каждого несчастного, что она постоянно белеет до синевы, потом оседает на стульчик, не замечая, что мнет попой дорогой плащ и прикрывает лицо руками, вот так?

Большущие растопыренные пальцы легли на пухлые Мишкины щеки.

– Она же едва не расплакалась, Макс! Никто из жильцов так не реагировал. Никто, только она!

– И как объяснила свое поведение?

– А никак. Просто, говорит, перепугалась за бедную девушку, потому что наверняка с ней что-то стряслось, раз я у Степановой в гостях.

– Умная девочка, – неожиданно похвалил Назаров. – И что было дальше?

– А дальше ничего. Она взглянула на часы. Забормотала, что спешит, начала теснить меня к выходу. Да, говорит, слышала что-то о машине, которую увозил эвакуатор. О девушке, которая ходила по квартирам и задавала вопросы. Слышать слышала, а видеть – нет. К ней Настя Глебова не заходила. Будто бы.

– Вот так-то, Миха, – развел руками Назаров. – Снова тупик. А кто те остальные, которыми интересовалась в ЖЭКе погибшая Глебова? Что о них можешь сказать?

– Да погоди ты, Макс, с остальными. Погоди!

Борцов выбрался из-за стола и медвежьей походкой заходил по кабинету. Говорил долго, сумбурно, без конца взмахивал руками, когда Назаров пытался возразить. Минут через пятнадцать встал перед ним с вытянутой рукой и принялся загибать пальцы.

– Итак, подведем итоги. Первое: Степанова неадекватно отреагировала на фотографию, из чего я делаю вывод, что она знала убитую.

– Или просто видела. – Назаров тоже палец загнул.

– Второе: Степанова, со слов Матрены Митрохиной, про-

живающей в соседнем подъезде, ведет скрытную жизнь.

– Или просто необщительна. – Второй палец на левой руке Назарова загнулся.

– Третье: к ней ездит, не часто, но ездит любовник. – Борцов выразительно приглушил голос.

– Это не запрещено законом, – лукаво улыбнулся Назаров.

– Но он прячется!

– Значит, есть причины. Может, он женатый человек, Миша! Степанова свободна, а он нет. Логично. Никакой загадки.

И вот тут Борцов, гад, все-таки сумел его добить.

– Он не просто женатый человек, Макс. Он к тому же занимает очень высокий пост в нашей структуре.

И Мишка назвал фамилию.

– Да ладно! – ахнул Назаров. – Это кто? Снова пенсионерка из соседнего подъезда?

– Ага. – Он мотнул тяжелой башкой. – Пару раз видела, как гражданин крадется по двору. И проследила. Проводила до машины, как полагается, номер записала. И забыла на какое-то время. Пока я ее не спросил о странностях, которые могли происходить в их дворе. Она мне номерок и представила. А я его наизусть знаю. Да и ты тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.